

ВЛАДИМИР МАЛИК
•
КНЯЗЬ ИГОРЬ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Владимир Малик
**Князь Игорь. Витязи
червлёных щитов**

«Центрполиграф»

1985

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

Малик В. К.

Князь Игорь. Витязи червлёных щитов / В. К. Малик —
«Центрполиграф», 1985 — (Классическая библиотека
приключений и научной фантастики)

ISBN 978-5-9524-5379-1

Известный писатель, лауреат премии Леси Украинки, автор целой серии увлекательнейших исторических романов воспроизводит драматические события, произошедшие на Руси в XII веке. Писатель представляет картину кровопролитных схваток и среди них такую, каких ещё не видано было на Руси, – полный разгром всей воинской силы целого княжества на Каяле. Автор детально описывает сам поход Игоря, бои на речках Сюурлий и Каяле, поражение северских войск, плен и бегство князя из плена. Строго придерживаясь исторических фактов, Малик создает живые, яркие образы реальных персонажей и вымышленных героев. Это рассказ о самоотверженной борьбе русских богатырей с дикими ордами, о прекрасных людях, о настоящей дружбе, о преданности родной земле.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-9524-5379-1

© Малик В. К., 1985
© Центрполиграф, 1985

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	11
3	14
Глава вторая	18
1	18
2	21
3	26
4	29
Глава третья	35
1	35
2	39
Глава четвёртая	43
1	43
2	48
3	50
4	52
5	56
6	58
Глава пятая	61
1	61
2	64
3	68
4	71
5	74
6	77
Глава шестая	80
1	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Владимир Кириллович Малик
Князь Игорь. Витязи червлёных щитов
Роман

© Малик В. К., наследники, 2018

© Доронин В., Цветков Е., перевод, наследники, 2018

© ЗАО «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2018

Русичи великая поля червленя щиты прегородиша!
Слово о полку Игореве

Глава первая

1

Месяц февраль года 1184-го выдался на Посулье, как и по всем русским и половецким землям, снежным и суровым. Реки и озёра сковало прочным ледяным панцирем; под толстым покровом ослепительного белого снега лежали степи мёртвые, безмолвные, а сосновые боры, дубовые и берёзовые рощи, освещённые белёсым солнцем, казалось, дремали в холодном, тихом сне.

Лишь звери да птицы нарушали иногда эту застывшую морозную тишину... То вдаль на горизонте загудит мёрзлая земля под копытами тарпанов, которые, вздымая снеговые вихри, мчатся неведомо куда, то послышится из глубокого оврага волчий вой, или вдруг с голубого неба со свистом ринется вниз на добычу остроглазый сокол.

Вот в такой морозный солнечный день по заснеженной равнине, что раскинулась между реками Хоролом и Сулой, медленно ехали на запад, из Половецкой земли в Русскую, два всадника – старый и молодой. Оба в латаных, ношенных-переносимых, но тёплых – шерстью внутрь и наружу – половецких кожных до колен, в мохнатых бараньих шапках и стоптанных чириках из овчины, подшитых грубым войлоком. Их кони были худые, измученные и из последних сил, едва волоча ноги, брели по глубокому снегу.

Один из всадников, что постарше, седобородый, тяжело дышал. Он то и дело хватался за грудь и натужно закатывался хриплым кашлем. Младший ехал рядом и бережно поддерживал своего спутника, чтобы тот не упал с коня. А когда тот начинал задыхаться и закатывал глаза, шептал в отчаянии:

– погоди, отче, не помирай!.. Скоро-скоро Сула... А на той стороне – Русская земля... Там уже свои люди, не дадут пропасть... Доберёмся до дому... На Сейм...

Когда старшему становилось немного легче, он вялой рукой сбрасывал с бороды иней, с натугой горестно отвечал:

– До дому, говоришь?... Не доберусь уже я до дому... Чувствую, как в груди печёт и холодеют ноги... Клятые половецкие степи все соки высосали... Три года неволи, мытарств, голода да побоев, сам видишь, дали себя знать!.. Ведь был я, как дуб, крепок, а стал словно высохшая былинка... Тоска сердце источила, как железо – ржа... По спалённой хате, по зарубленным деткам малым... По нашей матери, где-то в басурманском полоне безутешно проливающей слёзы, и, если жива, по Насте – сестрице твоей, которая, как говорят, наложницей стала у поганина...¹ Один ты у меня остался, Жданко... Ведь без вести пропал Поганин (от *лат. roganus* – языческий) – язычник. братец твой Иван... Одна моя надежда – ты... Ты должен добраться на землю родную, пустить свои корни... Чтобы род наш не перевёлся...

Ждан испуганно глянул на отца, в голосе которого звучали страдание и обречённость. Сказал нарочито бодрым голосом:

– Вместе доберёмся, отче! Вместе!.. Вот вскоре и Лубен или Ромен... Или выйдем на какой другой городок на Суле... Там обогреемся, подкормимся – и дальше в путь. До дому!

Отец не ответил, только уныло покачал головой и опять схватился за грудь, забился, затрясся в кашле, и Ждан сильнее прижал к себе его локоть. Стал понукать усталых коней.

¹ Поганин (от *лат. roganus* – языческий) – язычник.

Зимний день короток. Солнце быстро опускалось за далёкий багровый горизонт. А Сулы всё не видно и не видно. Неужели ещё одну ужасную студёную ночь доведётся провести в снеговом сугробе? Но выдержит ли отец?...

Юноша поднялся на стременах. Воспалёнными глазами напряжённо всмотрелся в морозную дымку. Лицо его, измождённое и тёмное, задубело на холодном солнце и жгучих морозных ветрах. Русая поросль на щеках и подбородке от инея и снега казалась почти седой.

Он напряг зрение, надеясь на высоком правом берегу Сулы высмотреть крепость или хотя бы какое-нибудь жильё. Но только слепит солнце, бьющее прямо в лицо, и острые кристаллики снега высекают из глаз слёзы. Впереди всё мерцает, играет радужными цветами. Небо сливается с землёй. Ничего не видать!..

В сердце юноши закралась смертельная тревога. Неужели сбились с пути? От Хорола до Сулы вёрст тридцать. Пора бы уже выйти им на окраинное порубежье! А его всё нет и нет... Ждан тяжело вздохнул: есть отчего прийти в отчаяние!..

Сегодня десятый день их побега из далёкой Половецкой земли. Перед внутренним взором Ждана проплывают события последних трёх лет, когда на Посемье напала орда хана Кзы. Половцы² разоряли, опустошали сёла – старых и малых убивали, а взрослых угоняли в неволю.

Им с отцом посчастливилось: они оказались вместе в кочевье половца Секен-бея. А вот мать и сестру с ними разлучили и погнали куда-то дальше. Жизнь подневольная – хуже собачьей. У кого дома остался кто-то из состоятельных родичей, тех выкупили. У них же не было ни родичей, ни достатка, и их некому было выкупать. Они стали рабами навечно. Пасли табуны коней, отары овец, стада верблюдов и другой скотины, обрабатывали бахчи бея, заготавливали на зиму дрова, шили одежду и обувь, чинили вежи³, валяли войлок, вымачивали шкуры и выполняли десятки других работ. И всё это время, где бы ни были и что бы ни делали, думали о побеге.

Конечно, убежать легче летом, когда тепло и когда каждый кустик тебя спрячет и пустит переночевать. Но летом стража с пленников не спускала глаз, а в голой степи, что разделяла Половецкую и Русскую земли, постоянно рыскала конная сторожа, которая охраняла половецкое пограничье от нападения русских князей и вылавливала беглецов. Многие несчастливцы попадали в их руки, и тогда им выкалывали или выжигали один глаз, отрезали ухо или раскалённым железом ставили на щеке тамгу⁴.

Вот почему они решили не рисковать летом. Надёжнее бежать зимой. Когда завоют метели и степь занесёт снегом, когда ударят морозы, и половцы ослабляют внимание, а порой и совсем не стерегут невольников. Кто, мол, отважится бежать в скованную ледяным панцирем заснеженную пустыню? Сделаешь всего несколько шагов – и следы мигом выдадут тебя. А смельчака в пути поджидают и лютые морозы, и голод, и волчьи стаи. Да и половецкие разъезды легко могут заметить... Поэтому почти не бывало такого, чтобы кто-нибудь убежал зимой.

К побегу готовились долго и старательно: сэкономили и запасли харчей, починили одежду и обувь, раздобыли две тёплые кошмы⁵, чтобы спать в снегу, засушили трут для разжигания огня, выбрали в табуне, за которым долго приглядывали, самых выносливых лошадей и однажды ночью, когда разыгралась метель, тронулись в путь. Снег сразу замёл следы, и, никем не замеченные, они помчались по берегу реки, а под утро перемахнули по льду на другую сторону. Там, в поросшей лесом низине, пустили пастись лошадей, которые, как и их дикие родичи тарпаны, умели добывать себе корм зимой из-под снега, разгребая его копытами.

² Половцами наши предки называли кипчаков – тюркоязычные племена, которые кочевали в степи (поле) между Волгой и Дунаем.

³ Вежа – половецкая юрта на возу или саях, кибитка.

⁴ Тамга – тавро, клеймо, родовой знак.

⁵ Кошма – войлок, толстое одеяло из него.

Беглецы немного подремали в сугробе, закутавшись по половецкому обычаю в кошму, а потом снова поспешили в дальний путь.

Пять суток не утихала вьюга – занесла все следы, все степные стёжки-дорожки. Ехать стало тяжело. Коня начали терять силы. Плелись еле-еле. Зато ни погони, ни случайной встречи с половецким разъездом. И в сердцах беглецов укрепилась надежда на спасение.

Если бы только не болезнь отца!

Позади трёхлетние мытарства и суровые испытания последних дней. Но зато впереди вот-вот должны показаться окраинные земли Руси... Там свои люди, там спасение!

Ждан вдруг увидел, как отец резко покачнулся и медленно начал клониться к шее коня.

– Отче, держись, родимый! – крикнул встревоженно. Быстро заговорил, убеждая не только его, но и себя: – Уже совсем близко! Там вот будет и лес, и широкая долина! А за нею – холмы... Наверно, скоро Сула... Ещё малость – и мы выйдем к жилью! Крепись, отче! Ещё немного осталось...

Отец едва поднял голову. На сына невидяще смотрели кроваво-красные, мутные глаза. Чёрные, запёкшиеся губы с жадностью хватали морозный воздух, а очоленные от холода руки выпустили поводья и судорожно мяли кожух возле сердца.

Ждану стало страшно: неужели помирает?

Он в отчаянии снова взглянул вперёд и тут неожиданно для самого себя действительно увидел и заметнённый снегом лес, и речную долину, и холмистый противоположный берег, что показался в предвечерней дымке.

– Отче! Сула! – воскликнул громко и хлестнул коней.

Вскоре они въехали в лес и по широкой прогалине начали спускаться к берегу. Вокруг, под снежными шапками, стояли тёмные деревья и разлапистые кусты. Из-под них напоздали густые сумерки. Наступал вечер.

Ждан подумал с досадой: «Нет, на ту сторону не успеть. Да и есть ли там поблизости какое-нибудь селение или городок? Опять, наверно, придётся – в который раз – ночевать в снежной постели...»

Не о себе он беспокоился. Хотя и холодно – переспит. А отец? Ему сейчас необходима тёплая хата, горячая пища...

Понурился, устало шагали кони, стрекотала, порхая с ветки на ветку, сорока, а Ждан судорожно искал выход, но ничего придумать не мог. Решил лишь одно: вечером не переправляться через широкую речную пойму, где легко можно провалиться в незамёрзшую полынь, а дожидаться утра. Значит, нужно искать безветренное место, разложить костёр и хотя бы отогреть отца.

Вдруг его взгляд остановился на большом сугробе снега, из которого торчал дуплистый осиновый комель. Неужели охотничье зимовье? Он потянул повод влево и остановился на опушке перед полузанесённой снегом землянкой. Всё ещё не веря неожиданной удаче, он стремительно прыгнул с коня, разгрёб руками снег около дверцы и открыл её. Протиснулся внутрь. Здесь давно никто не жил. Пахло сыростью. Деревянные стены и потолок покрыты изморозью. Посреди землянки, как раз под дымником, чернел выложенный из дикого камня очаг, на котором стоял закопчённый горшок. Вдоль стен виднелись широкие лавки из грубо отёсанных горбылей.

Ждан вышел наружу.

– Отче, слезай! Ведь это – зимовник! Сейчас разожжём огонь, согреемся, чего-нибудь сварим! – Голос радостно звенел.

Но отец уже не мог сам сойти с коня. Ждан взял его на руки, внёс в землянку, расстелил кошму на лавке, положил на неё больного.

– Полежи тут пока! Я дров принесу!

Возвратился он с охапкой сухих сосновых веток и смолистых сучков, поломал их на мелкие обломки, чтобы быстрее загорелись. Настругал ножом стружек и наколол лучин, а потом, достав из-за пазухи кремь, кресало и трут, разжёг огонь. Вскоре посреди землянки весело заплясало, загудело пламя. Дым, что поначалу заполнил всё помещение, вскоре нашёл выход через дымник, дышать стало легче.

Ждан ожил, повеселел. Он теперь верил, что скоро обогреет отца, подкрепит горячей пищей, поставит на ноги и они отправятся завтра дальше в путь. Радуюсь своим мыслям, придвинул к огню глиняный горшок, наполненный снегом, внёс торбочку, где ещё оставалось немного пшена, перемешанного с кусочками замороженного мяса, и начал варить кулеш. Коней стреножил и пустил пастись, а после этого заготовил дров на целую ночь.

Не прошло и часа, как в землянке стало тепло. Сварилось нехитрое кушанье, и Ждан, подержав горшочек в снегу, чтобы немного остудить горячее пахучее варево, подал его отцу:

– Ешь, отче!

Старик похлебал немного и отложил ложку. Дышал он с трудом, болело в груди, его снова начала трясти лихорадка.

Ждан принялся за кулеш и съел половину. Тёплая, сытная пища разморила юношу, и он прилёг на лавку. Не заметил, как и заснул. Разбудил его тихий голос отца.

– Господи Иисусе, Матерь Божия, царица небесная, спаси меня или прими мою душу, чтобы больше не мучился! – шептал старик. – И ты, Дажьбоже, и ты, Род, и ты, Велес, тоже спасите меня, изгоните из меня злого духа, что вселился в моё тело, дайте силы добраться до дому и напоследок взглянуть на родные места!..

Ждану стало страшно. Он не шелохнулся, чтобы не прервать отцовской молитвы, его истовой беседы с богами – нынешними, ромейскими, и старыми, праотцовскими. Ведь кто может знать, какие боги настоящие, какие могущественнее – сегодняшние или древние?! Правда, уже все на Руси ходят в церковь и веруют в триединого Бога – Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого. Однако и давним, праотцовским богам многие молятся потихоньку, чтобы никто не услышал и не увидел: за это можно всего своего добра, а то и головы лишиться, если дознается кто из людей власть имущих – поп, посадник, огнищанин⁶, боярин или сам князь. Двоеверия не потерпят, особенно попы, они расправляются с двоеверцами беспощадно. Но живучи старые боги: бог солнца Хорос, или иначе Дажьбог, покровитель русов Велес, бог весны Ярило, бог ветра Стрибог, бог грома Перун... Попы выбрасывали в речки или сжигали на кострах деревянных идолов – изображения этих богов, а в памяти людской самих богов уничтожить не смогли. И хотя минуло уже двести лет, как грозный князь Владимир отрёкся от старых богов и привёз от ромеев новых, как говорили, настоящих, люди от привычных старых богов не отрелись. На праздники до сих пор приносят им требу⁷ – ставят в красный угол в горшочках и мисках кутью с узваром, выносят на кладбища душам умерших напитки и яства. В июне месяце в честь Купалы молодёжь разжигает в лесах возле речек большие костры, веселятся, поют, прыгают через священный огонь, чтобы очиститься от всякой скверны, то есть от нечистых духов, а девушки плетут венки и пускают их по воде, чтобы узнать о своих суженых... И все без исключения – старые и малые, князья и смерды⁸ – верят в нечистую силу: чертей, ведьм, ведьмаков, в русалок и лесных нимф, водяников, лесовиков, потерчат⁹. Всех тех, что живут невидимые где-то рядом и могут причинить человеку добро или зло, чаще – зло. Их задабривают, втайне им выносят требу, а если это не помогает, зовут на помощь попа – и тот крестом прогоняет нечистую силу или освящает осквернённое ею жилище или местность...

⁶ Огнищанин – здесь: главный управляющий княжескими усадьбами.

⁷ Треба – жертвоприношение.

⁸ Смерд – земледелец, селянин.

⁹ Потерчата – младенцы, умершие некрещёнными.

Ждан тоже верил и в новых, и в старых богов, верил в нечистую силу и не удивился, когда услышал, как отец молится всем этим богам, умоляя их выгнать из больного тела злых духов, поселившихся в нём.

На некоторое время старый затих, а потом тихо позвал:

– Жданко, Жданко!

– Чего тебе?

– Если помру, не оставляй моего тела зверям и хищным птицам на растерзание... Сожги меня тогда... По извечным обычаям племени нашего!

– Не помрёшь, отче... Я буду сидеть возле тебя, пока не поправишься...

Отец на это ничего не ответил, повернулся на другой бок, лицом к стене, и затих.

Ждан долго прислушивался к его тяжёлому, неровному дыханию, а потом заснул.

Когда проснулся, ему показалось, что он спал недолго. Однако огонь успел погаснуть, угли остыли, и в землянке стало холодно. Сквозь щель в двери пробивался узкий жгутик солнечных лучей.

Ждан быстро откинул тёплую кошму, приоткрыл дверцу и выглянул наружу. Над лесом поднималось зимнее солнце. Вот так поспали!

– Уже утро, отче... Как ты себя чувствуешь?

Отец молчал.

– Ты спишь?

Отец и на этот раз не ответил. Ждан кинулся к нему, коснулся руки, лежащей поверх кошмы. Рука была холодная как лёд.

– Отче! – закричал в отчаянии юноша. – Отче!..

Отец лежал на лавке неестественно прямой и молчаливый. Неподвижные глаза его словно пристально высматривали что-то на закопчённом потолке землянки.

Ждан опустился возле мёртвого на колени и беззвучно заплакал. Теперь он остался один в чужом холодном мире и, хотя ему уже девятнадцать лет, почувствовал себя обиженным, обездоленным сиротой.

Стоял над отцом до тех пор, пока не почувствовал, что замёрз. Поднялся и медленно вышел из землянки. Должен был выполнить последнюю волю отца – сжечь его на костре.

Сначала по следам в снегу разыскал коней, привёл их к зимовнику. Потом натаскал из леса на поляну большую кучу сушняка и положил на неё отца. Наконец – высек огонь...

Жёлтое, горячее пламя несмело лизнуло смолистые щепки, потом затрещало, забушевало и взмыло высоко вверх, пожирая и корявые сучья, и толстые смолистые ветви, и закоченевшее тело покойника. От костра повеяло нестерпимым жаром. Ждан отступил назад и тяжело опустился на пенёк. Долго так сидел закаменев. С ужасом смотрел, замирая от горя, как обугливается тело отца. Горячие слёзы туманили глаза. Бедный отец! Как он мечтал снова увидеть родину, много раз мысленно летал к ней через беспредельные степи, полноводные реки, через леса и овраги! Надеялся, что хотя бы кто-нибудь из младших детей спасся и пережил лихолетье у добрых людей... Но увы! Боги рассудили иначе и призвали его к себе.

Напугала и вывела его из полузабытья стрела, которая остро свистнула над головой и воткнулась в малиновую грудь углей. Он встревоженно оглянулся и вдруг увидел медленно приближающийся к нему большой отряд половцев. Бежать некуда и невозможно. Поздно!

2

Это был передовой отряд. Вскоре всю поляну заполнили половцы. Впереди на резвых конях сидели два всадника. Судя по богатой одежде и украшениям на конской сбруе, не иначе как беи или ханы.

Ждана подвели к ним.

Всадники пристально всматривались в пленённого. Тот, что постарше, не отличался ни ростом, ни статью, ни властным взглядом. Сидел он в седле как-то боком, усталый, отяжелевший. Обрюзгшее лицо – безжизненное, жёлтое. В глазах никаких чувств. Второй, помоложе, сразу привлекал к себе внимание. На нём был добротный дорогой кожух из волчьего меха, лисья шапка с малиновым верхом, он чем-то походил на сильного пса-волкодава. Могучее сложение, большая голова, пронизывающий взгляд быстрых чёрных глаз, крепкая, уверенно держащая повод рука, крупный, словно клюв, нос посреди опалённого морозом, слегка скуластого лица. Весь облик его дышал необычайной силой и решимостью.

Он некоторое время молча разглядывал юношу, а потом с лёгкой усмешкой простуженным голосом сказал:

– Я Кончак! Ойе!.. Это хан Туглий – славный воитель!.. Слышал про таких?... А ты кто, грязная свинья? Урус? Как зовут тебя?

Ждан, и без того потрясённый тем, что произошло с ним сейчас, услышав, что перед ним сам Кончак, втянул голову в плечи, словно ожидая мгновенного удара. Кто же не слышал про хана Кончака? Вся Русь его знает! Его именем матери пугают детей. Взрослые, услышав о нём, крестятся. И неудивительно: не раз и не два на протяжении десяти-двенадцати лет приходил он с мечом на Переяславскую, Киевскую и Северскую земли и проявлял там неслыханную жестокость. Сёла и города сжигал, старых и немощных вырезал, сильных угонял в полон, а малолетних детей по его приказу хватили за ножки и били о деревья, о стены домов или просто о землю так, чтобы их головки раскалывались, как тыквы. За время своих опустошительных нападений Кончак разорил почти всё Посулье. Остались лишь укреплённые города Посульской оборонной линии, срубленные ещё Владимиром Святославичем в 988 году, – Воинь в устье Сулы, Римов, Лукомль, Снепород, Лубен, Кснятин, Сенча, Лохвица, Ромен, Дмитров... Теперь, по всему видать, решил он и до них добраться.

Ждан знал, что Кончак обладал большой силой и непререкаемым влиянием среди половцев. Ему удалось оружием, хитростью, подкупом и уговорами завоевать доверие беев и ханов, собрать под свою руку и сделать зависимыми многие половецкие роды и племена, которые кочевали на широких просторах между Волгой, Днепром и Азовским морем. Даже сильный, надменный хан Кза, который и сам старался возглавить, как говорилось, «диких» половцев, кочующих севернее, наконец был вынужден признать верховенство Кончака.

Ждан чувствовал, как немеют у него ноги и что-то больно давит в груди. Всё пропало! В одно мгновение развеялись его надежды на свободу. Вместо того чтобы вскоре перейти Сулу и ступить вольным человеком на родную землю, о которой мечтал долгие годы и до которой добирался с такими трудностями, он снова стоит никчёмным рабом, невольником перед самым ханом Кончаком. И тот со злорадной улыбкой на губах ждёт его ответа. А потом, поиграв с ним, как кот с мышью, снова бросит в полон или просто предаст мучительной казни.

– Я Ждан, – выдал из себя непослушными губами юноша, – урус.

– Судя по следам, которые мы заметили сегодня утром, ты идёшь из половецкой земли... Ты был там в полоне?

– Да.

– Где?

– У Секен-бея, что из племени Кзы.

– Ты умеешь говорить по-нашему...
– Я жил среди половцев три года.
– Вот как. Действительно, за такое время можно выучиться, – согласился Кончак и, заметив на костре обожжённый скелет человека, спросил: – А это кто?
– Это мой отец... Мы вместе бежали. Он заболел в дороге и этой ночью умер.
– Вы с отцом смелые люди. Не каждый отважится зимою бежать через безлюдные заснеженные степи...
– Лучше смерть, чем неволя!
– Ой-бой! Я вижу, смелость до сих пор не покинула тебя! Но теперь ты снова невольник, раб!
– Теперь мне всё равно... Вы убьёте меня?

Кончак усмехнулся. Из-под покрытых инеем усов блеснули крепкие белые зубы. Эта усмешка немного скрасила твёрдое, суровое лицо.

– Нет, не убьём. Для чего убивать? Мы ещё не ступили на Урусскую землю, а уже взяли тебя в добычу. Это хорошая примета!.. Ты был пленником хана Кзы, теперь будешь моим!.. А вот если попробуешь снова бежать, тогда я прикажу ослепить тебя или казнить. Понял?

– Понял.

– Сейчас тебе дадут свежего коня, а то своих вы так загнали, что они годятся только на мясо... В походе будешь при мне: толмачом, помогать повару, приглядывать за конями. Станешь хорошо служить – получишь достаточно еды, начнёшь хитрить – будешь битым!

В знак того, что и эти слова дошли до него, Ждан кивнул. И тут же по молчаливому знаку хана молодой курт¹⁰ подвёл пленнику коня и пристроился рядом.

По широкой поляне орда двинулась к Суле и по льду перешла её.

Первой жертвой стало небольшое сельцо, спрятанное между лесами в пологой долине. Орда быстро обошла его с двух сторон, окружила, ни одной живой душе не удалось спастись.

Кончак и Туглий со своими свитами остановились на возвышенности и наблюдали, как воины врываются в хаты, выводили из них испуганных людей и тут же одних убивали, а других – девушек, юношей, молодых мужчин – связывали десятками, чтобы отправить под стражей в Половеччину. Но таких было значительно меньше. Большинство жителей погибли под саблями напавших.

– Так мы всех перебьём! – воскликнул Туглий, глядя, как лютуют воины. – Разве не лучше потащить всех в полон, чтобы потом получить выгоду? Тогда мы смогли бы заставить переяславского князя Владимира Глебовича хорошенько потрясти мошной!

Кончак думал иначе. Он пренебрежительно глянул на спутника и с ожесточением бросил:

– Пусть убивают! Это я так приказал! Слишком много этих урусов расплодилось!.. Я поклялся Тенгрихану, что уничтожу, вытопчу всю Переяславскую землю до Десны и Сейма, а Киевскую – до самой Лыбеди! Эти земли должны принадлежать кипчакским родам! Здесь они будут ставить свои юрты, выпасать табуны. Мы твёрдо станем на обоих берегах Днепра до самого Киева, и я своим копьём застучу в его Золотые ворота! Тсе-тсе!

Ждан слышал эти ужасные слова, слышал женские вопли, детский плач, крики и проклятья мужчин, рёв скотины, треск и зловещий вой огня, и неудержимая дрожь трясла всё его тело. Эх, если б имел он в руке меч или копьё, то, не раздумывая, всадил бы в широкую спину хана!

Когда закончилась свирепая расправа над мирными жителями села, когда всё в долине занялось огнём и несколько десятков всадников погнали полонённых, табуны скота и навьюченных всяким добром коней на восток, Кончак поднялся на стременах и прокричал:

– Вперёд! На Дмитров! Ромен обойдём – пускай до поры до времени остаётся позади нас... Он нам сейчас не опасен... Сожжём все поселения между Роменом и Дмитровом –

¹⁰ Курт – волк, волками назывались охранники хана.

роменцы сами сдадутся или подохнут с голоду!.. Вперёд! И никого не жалеть! Жечь и убивать – это приказываю вам я, хан Кончак, сын Атрака, внук великого Шарукана!..

И он горделиво расправил широкие плечи, ударил плетью коня и первым помчался на север, где белели чистые, не тронутые ни человеческой ногой, ни копытами коней снега...

3

Огненным смерчем промчались половцы по Среднему Посулью. Они опустошили до конца села и сожгли их. После этого осадили Дмитров – большой город, расположенный на рубеже Переяславской и Новгород-Северской земель. Кончак надеялся взять его с ходу, но дмитровцы успели закрыть ворота, заложить в их проушины крепкие дубовые балки, а стены облили водой, и они на морозе покрылись гладким, как стекло, льдом.

Кончак распорядился готовить штурмовые лестницы. Но они без надёжной опоры скользили по льду, прогибались под грузом многих тел, даже трескались. Защитники Дмитрова, оснащённые деревянными двурожными вилами, легко сдвигали их в сторону или просто отталкивали назад. И лестницы с грохотом падали на мёрзлую землю, насмерть разбивая тех, кто по ним лез. Кончак лютовал. Окружённый телохранителями, стоял поодаль и злобным взглядом окидывал город, не желающий ему сдаваться.

– Спалить его! – воскликнул, осенённый новой злобной мыслью. – Закидать горящими стрелами! Выкурить урусов из их гнёзд!

Сотни огненных факелов понеслись через заборолу¹¹ на городище. Казалось, ничто теперь его не спасёт. Однако покрытые толстым слоем снега и льда соломенные и камышовые крыши никак не хотели загораться.

– Ну что ж, – сказал Кончак, – тогда заморю их голодом! Я заставлю их сначала есть собак и кошек!

Миновала неделя. Дмитров мужественно держался и не думал сдаваться. Кончак разорял окрестные села, а награбленные богатства и пленённых с охраной отправлял в свои земли.

Сам он жил в просторной хате дмитровского попа неподалёку от города. Вставал рано, завтракал и шёл к войску, осаждающему крепость. Повсюду ходил и выискивал всё новые и новые возможности, как бы взять её. Но все, что ни придумывал, оказывалось напрасным, и он, замёрзший и злой, возвращался перед вечером, яростно проклиная и мороз, и глубокие снега, и урусов, что не хотели сдаваться, и своих воинов, которые, по его мнению, не проявляли должного рвения и умения воевать так, как надо.

Как-то, в особо мрачном настроении, он обратился к пленнику, который ему, Кончаку, чем-то понравился и постоянно находился при нём:

– Ждан, ты урус, ты знаешь свой народ и обычаи лучше меня. Скажи, как взять эту проклятую крепость, и я не только отпущу тебя на волю, но и так одарю тебя, что хватит на всю жизнь!

Ждану теперь были поручены всякие домашние работы – топить печи, носить воду, помогать повару-половцу мыть посуду или рубить дрова.

Но на заманчивое, казалось бы, предложение Ждан только пожал плечами.

Однажды пригнали большую партию полонённых, которых Кончак должен был справедливо, по его разумению, поделить между своими родами. Несчастные жались друг к другу, чтобы хоть немного согреться. Среди них выделялся мужчина лет сорока пяти. Он был без шапки, без верхней одежды, в одной рубаше, на ногах – непривычные для славянина половецкие стоптанные чирюки; окладистая борода и волосы взлохмачены, покрыты инеем, левый глаз заплыл синяком, на разбитой губе запеклась кровь. Он дрожал от холода, как сухой лист. Ночной мороз, безусловно, доконает его! Да и дотянет ли он до ночи?

Сколько раз ни проходил по двору Ждан, то с охапкой дров, то ещё по какой надобности, каждый раз сжималось сердце: замерзает человек, на глазах погибает!

¹¹ Забороло, заборолы – верхняя часть городских стен, защищённая деревянными или каменными щитами. Сами эти щиты, прикрывающие воинов и защитников стен от стрел при осаде.

И он отважился: проскользнул в каморку, где у попа была кладовая, а теперь ханский повар стал полновластным хозяином и куда посылал иногда юношу то за одним, то за другим, снял с жердины старый потёртый кожух, не приглянувшийся половцам, такую же шапку-бирку¹². Быстро вытащил из сундука стоптанные, но ещё целые сапоги, завязал всё это в старую ряску и, выбрав момент, когда стража не могла его заметить, проскользнул к гурьбе пленников и ткнул узел бородачу в руки:

– Одевайся, а не то замёрзнешь!

Невольники быстро их обступили, чтобы не видела стража. Старик натянул на себя кожух, шапку, разорвал на онучи ряску, обулся.

– С-спасиб-бо, хлопец, – не сказал, а отстучал зубами. – Ты кто будешь?

– Меня Жданом кличут.

– А меня Самуилом... – и замолк.

На подворье в сопровождении нескольких беев и хана Туглия въехал Кончак. Он замёрз и был гневен. Видимо, ещё один штурм Дмитрова потерпел неудачу.

Конюшие придержали его коня. Хан тяжело спрыгнул на землю и, опустив голову, ни на кого не глядя, направился к хате. Но вдруг из гурьбы пленников навстречу ему выступил Самуил и преградил дорогу.

– Х-хан Кончак! Х-хан К-Кончак! – процокал зубами и низко поклонился. – Дозволь слово молвить!

Кончак злобно взглянул на него, но остановился.

– Ты кто?

– Я киевский к-купец... Самуил... Н-не узнаешь?... В позапрошлом году я привозил т-товары в твою з-землю, хан... На Тор...¹³ И никто никогда меня н-не трогал... В-ведь купцов нигде не трогают... А тут твои люди разграбили мой обоз, с которым я шёл в Северскую землю, возчиков перебили, товары и коней забрали, а меня разули, раздели и сюда притянули на аркане.

Кончак, видимо, не всё понял, наморщил лоб, выпятил подбородок. Заметив Ждана, кинул ему нетерпеливо:

– Что говорит этот урус? Чего он хочет от меня?

Ждан быстро перевёл.

Кончак с любопытством глянул на купца.

– А и вправду, мне твоё лицо припоминается... Погоди, погоди... Это у тебя мои дочери покупали монисты, мыло, льняное полотно и разное узорочье?¹⁴

– Так, так, хан, у меня, – обрадовался Самуил. – Такие красавицы... кареокие, чернобровые!

– Я предпочёл бы, чтобы у меня было больше сыновей, – усмехнулся Кончак и, снова помрачнев, добавил: – Я никогда не трогал купцов, даже всегда проявлял к ним доброжелательство. Поэтому я освобождаю тебя из-под стражи и приглашаю к себе на ужин. Вот Ждан проводит... Там и поговорим. Мне нужно тебя кое о чём расспросить...

И быстро пошёл к хате.

Когда Самуил в тесной, но тёплой кухне немного отогрелся, умылся и расчесал волосы и бороду, Ждан повёл его в светлицу. Здесь за столом уже сидели ханы Кончак и Туглий, сын Кончака – Атрак, названный так в честь своего деда, и ещё несколько беев. Кончак указал на свободную скамью недалеко от себя.

¹² Бирка – шкурка ягнёнка, смушка. Смушковая шапка.

¹³ Тор – река, на которой находилось стойбище Кончака.

¹⁴ Узорочье – здесь: дорогие ткани и женская одежда, украшенная узорами – вышивкой, шитьём золотом и серебром.

– Садитесь! – кивнул купцу и Ждану и запустил крепкие зубы в жареную баранью лопатку. – Ешьте.

Все были голодны и долго молча жевали. А когда насытились, Кончак спросил:

– Согрелся, купец Самуил?

Самуил вытер усатый рот полою кожуха.

– Благодарю, хан, – согрелся... А то думал – пропаду.

– Где же тебя мои люди перехватили?

– На Удай-реке, возле Прилуки.

– Куда ты направлялся?

– В Путивль... Вёз женские украшения, одежду, соль... И всё пропало... Прикажи, хан, пусть твои люди вернут мне моё имущество!

– Чего захотел! Поди теперь узнай, где оно!.. Э-э, Самуил, что с воза упало, то пропало! Так ведь урусы говорят? Благодарю судьбу, что сам живым остался...

– Я и благодарю.

– Вот и хорошо... А теперь скажи мне, не видал ли ты, когда ехал из Киева, князей с дружинами?

Самуил медленно поднял голову, пристально посмотрел в глаза хану.

– А как же, видел.

– Где?

– Стоят за Альтой.

– Кто именно?

– А кто?... Великий князь Киевский Святослав, великий князь земли Киевской Рюрик, князь Переяславский Владимир да князь Черниговский Ярослав... Похоже, ещё кого-то ожидают.

– Неужели до Киева дошла весть, что я Сулу перешёл?

– До меня не дошла, иначе я бы назад повернул... А вот дошла ли до князей, того не ведаю...

– Однако они для чего-то стоят, – задумчиво произнёс хан Туглий. – Не прогулять же коней вышли!

Кончак насупился. Мохнатые чёрные брови сошлись на переносице, как две грозовые тучи. Грубое твёрдое лицо потемнело ещё сильнее. Видно было, что он раздосадован неожиданным известием и не на шутку им взволнован.

Туглий не унимался.

– Я так и знал, что мы под этим проклятым городищем потеряем дорогое время! – грохнул кулаком по столу. – Вся Русь уже оповещена о нашем нападении! Ладно ещё, если князья до сих пор стоят за Альтой... А если двинулись сюда? Что будет? Вай-пай!..

Кончак сильнее засопел носом, мрачно повёл глазищами:

– Помолчи, хан! Об этом позже поговорим. А сейчас поблагодарим нашего друга Самуила за важную весть, – и обратился к купцу: – С этой минуты ты свободен и можешь ехать на все четыре стороны! Чего бы ты хотел у меня попросить?

Самуил вскочил с места и низко поклонился:

– Благодарю, великий хан, за такую великую милость... Воля для человека – самое богатство!.. Но если ты позволяешь обратиться к тебе с просьбой, то я осмелюсь попросить у тебя...

Купец умолк в нерешительности. Кончак подбодрил его:

– Ну, говори! Не бойся!

– Если ты так добр ко мне, то отпусти со мною вот этого отрока, – и положил руку на плечо Ждану. – Твои люди забрали у меня аж четыре холопа, так подари мне хоть одного. Да и странствовать зимой одному небезопасно, сам знаешь...

Кончак махнул рукой:

– Ладно, бери... Невольников у меня хватает... А путь к нам не забывай. Вот тебе моя тамга – с нею ты когда захочешь проедешь со своими товарами через все половецкие заслоны. Привози товары на Тор: выгодно поторгуешь, – и кинул на стол кружок выделанной кожи с нарисованной на ней собачьей головой и двумя перекрещенными под нею стрелами – это был родовой знак хана Кончака. – Тебе и твоему теперь невольнику дадут коней и харчей на неделю. Ты доволен? Вай-уляй!

– Доволен, великий хан, премного доволен! – опять поклонился купец.

– Тогда идите!..

– Спасибо тебе, дядька Самуил, что про меня не забыл – вызволил из тяжкой неволи... Однако скажи мне, зачем ты рассказал про князей? Зачем выболтал, что они стоят на Альте? Не хватало только ещё нашептать Кончаку, какие у них силы! Это же своих предал!

Самуил улыбнулся разбитыми губами, обнял юношу за плечи:

– Не думай такое! Так они и услышат от меня правду – как бы не так! Э-э, хлопец, не знаешь ты дядьку Самуила!.. Да набрехал я им всё от начала до конца!

– Как же так? И про князей, и про Альту?

– Конечно, и про князей, и про Альту... Как только Кончак спросил, я сразу смекнул, что он боится, как бы его тут не застукали внезапно. Ведь силы у него сейчас, видать, невелики. Скумекал?... Нет?... А я ему – и про киевских князей, и про переяславского, и про черниговского. Да ещё, дескать, других поджидают... Видел, как завертелся Туглий? Будто его кипятком ошпарили!.. Да и сам Кончак сник, набасурманился, не по сердцу ему такая весть. Не я буду, если не задаст он завтра стрекача отсюда в свою Половеччину...

– Ну, если так...

– Завтра увидим – как... А теперь пошли спать, если у тебя есть тёплый уголок...

– Уголок есть, пошли. – И повёл своего спасителя за печку.

...Утром осаждённые дмитровцы высыпали на валы и с нескрываемым удивлением и большой радостью наблюдали, как половцы двинулись в степь в направлении на восток. Самуил не ошибся – Кончака встревожила возможность нападения русских князей, и он снял осаду.

И только два всадника, не ожидая, когда степняки покинут разорённые околицы Дмитрова, отделились от них и повернули на запад. Это были купец Самуил и Ждан.

Глава вторая

1

На полсотни вёрст вокруг Дмитрова половцы выжгли сёла и хутора. На белых снегах чернели полосы копоти и пепла, разнесённых ветрами с мрачных пожарищ.

Ждан и Самуил ехали молча, со скорбью глядя на растерзанные зверями и хищными птицами трупы. На сердце было тяжело. Душили слёзы. А когда в одном селе увидели на площади задубелые тельца голеньких младенцев, брошенных жестокой рукой в снег, чтобы замёрзли, Самуил остановился и разрыдался:

– О боже! Какие муки претерпевает несчастный люд Переяславской окраины!¹⁵ И как только можно жить здесь? Как только выживают люди? Кажется, все беды и невзгоды со всего мира собрались вместе и обрушились на людей, пригнули к земле, клубком холодных змей опутали их тела, тяжёлым сапожищем наступили на душу! Доколе же терпеть? Доколе погибать? Доколе земля Половецкая будет исторгать из себя бесчисленные орды на гибель люда христианского?

Он долго сидел в седле, понурый, сутулый, и затуманенными глазами смотрел на скрюченные тельца младенцев. Потом перекрестился, вытер слёзы и тронул коня.

– Прочь отсюда! Подальше от этого страшного видения!

На второй день, переночевав в полусожжённой хатёнке-мазанке, они выехали на торный шлях, что соединял Киев да Переяславль с Путивлем, Рыльском и Курском. Ждан натянул повод.

– Теперь я попрощаюсь с тобой, дядька Самуил. Отсюда поверну к Путивлю, в свой Северский край...

– Как? Ты бросаешь меня одного? Среди этой безлюдной снежной пустыни? Побойся Бога, отрок!

– А куда же мне ехать? В Киев? Там у меня ни кола ни двора!

– Будто на Сейме у тебя что-то осталось! Сам говорил – половцы всё спалили...

– А может, кто из родичей уцелел или из сельчан?

– Так они тебе и обрадуются!.. Где ты там будешь жить? Что есть? К кому притулишься?

Да ещё зимой!

– А в Киеве кто меня ждёт?

– Эх ты, человече! – воскликнул Самуил. – Ведь в Киеве у тебя приятель имеется.

– Кто же это?

– Вот те и на! – Купец даже руками всплеснул. – Неужели не догадываешься? Так, значит, я не в счёт? Кто же ещё?... Неужели думаешь, что я забуду, как ты меня спас в Дмитрове?... Нет, сынок, никуда я тебя не отпущу! Бедовать будем вместе – до конца! Да и одному устремляться в дальний путь опасно – мороз, вьюга, волки, недобрые люди... Да мало ли какая беда может случиться в дороге! Нет-нет, разлучаться нам сейчас не следует. Прибудем в Киев, погостишь у меня до весны, а там – куда хочешь. Ты вольная птаха!.. Да к тому же не в Киев мы сейчас направимся...

– А куда же?

– В Переяславль. Нужно известить переяславцев, что Кончак повернул назад.

– Ну, если так...

¹⁵ Окраина, Украина – окраинные земли Киевского и Переяславского княжеств. Позднее от этого образовалось собственное наименование – Украина.

– А как же иначе, хлопец? – И довольный купец послал коня вперёд.

До Переяславля добрались на четвёртый день. На улицах и майданах полно вооружённого люда, а также детей, женщин, стариков. Жители ближайших сёл искали защиты за валами города. Не слышно беспечных разговоров, не звучит весёлый смех. Даже дети притихли. Идёт Кончак! Ведь у всех на памяти, как шесть лет назад он лютовал на Переяславщине, никого не жалея, особенно детей, которых уничтожал без счёта!

Самуила и Ждана ввели в гридницу¹⁶, где вдоль стен сидели бояре и лучшие мужи. Прямо напротив входа, на возвышении – князь Владимир Глебович и княгиня Забава, дочь черниговского князя Ярослава.

Вошедших подвели к ним.

Князю Владимиру лет двадцать семь – двадцать восемь. Лоб высокий, открытый. Длинные русые волосы зачёсаны назад, пышно спадают на плечи. Между аккуратно подстриженными усами и небольшой бородкой краснеют по-юношески свежие губы. Одежда на нём – бархатная, чёрная, а сапоги – жёлтые, из блестящей, хорошо выделанной кожи. На боку, на широком, украшенном серебряными бляшками поясе, короткий меч.

Княгиня Забава – князю под стать, краса ненаглядная, но чернявая – в её жилах, как и у всех Ольговичей, северских князей, давала себя знать примесь половецкой крови. И её восточная диковатая краса казалась более яркой рядом со спокойной славянской красотой князя.

Владимир Глебович указал на свободное место возле себя.

– Вы устали – садитесь здесь... Я узнал тебя, Самуил, хотя ты и сильно изменился с тех пор, как приезжал в последний раз в Переяславль... Сторожа сказала, что вы прибыли из Дмитрова. Это правда?

Самуил и Ждан сели. Купец вежливо склонил голову:

– Так, княже, несколько дней назад мы были в Дмитрове.

– Но там ведь половцы!

– Там Кончак с ханом Туглием... И мы видели Кончака, как вот тебя, княже. И даже обедали за одним столом.

Владимир Глебович удивлённо поднял брови:

– О! За что же такая честь вам выпала?

– Расспрашивал клятый поганин, не видел ли я, едучи из Киева в Северскую землю, князей с войском. Вот я ему и сказал, что видел. Мол, стоят дружины на Альте, ждут подмоги.

– Ты это всё выдумал? Про князей?

– Выдумал.

– Для чего?

– Да просто так... Чтоб напугать!

– Ну и что? Напугал?

– Ещё как!.. Хан Туглий сразу стал упрекать Кончака, что напрасно они увязли под Дмитровом. Да и Кончак поверил – на другой же день снял осаду и отступил за Сулу...¹⁷

– Не может быть! – воскликнул князь, поражённый таким известием. – Неужто это правда? А не обманывает ли он нас всех? Отступил, чтобы другой дорогой направиться на Переяславль...

– Чего не знаю, того не знаю, княже, – с достоинством ответил Самуил. – Однако думаю, не повернёт он на Переяславль, ибо очень перегружен добычей. Зачем ему идти сюда, когда и так набрал и полону, и скотины, и коней, и всякого добра?

Бояре зашумели. Прозвучали возгласы:

¹⁶ Гридница – большое помещение в княжеском дворце или пристроенное к нему для гридней – княжеских дружинников – и для приёма гостей.

¹⁷ Исторический факт.

– Да, да, это похоже на правду! Не бросит он добычу!

Владимир Глебович едва заметно кивнул:

– Что ж, будем считать, на сей раз лихо Переяславль миновало. Но не миновало переяславской окраины. И я не могу смириться с тем, что Кончак вот уже в который раз разоряет наши города и сёла, убивает людей, тянет их в полон, грабит наши богатства... Нужно отомстить кровавому хану! Чтобы на собственной шкуре почувствовал нашу беду, чтобы его племя такое же горе испытало, какое причиняет он нашему народу!.. Вот мой наказ – войско не распускать! Я пошлю письма князю Рюрику, а также Святославу, чтобы дали подмогу и дозволили ударить на ворога! Пока половцы, как обожравшиеся волки, будут переваривать добычу, мы соберём силы и нападём на них неожиданно... Все ли бояре и великие мужи так думают?

– Все! – твёрдо ответил дородный рыжеволосый тысяцкий¹⁸ Шварн.

– Тогда идите готовить войско к походу, а я тут ещё побеседую с нашими гостями из Дмитрова...

Когда бояре вышли, князь сказал:

– Самуил, ты не раз доставлял в мой город и на всю землю нашу соль, днепровский янтарь, украшения из серебра и золота, сукно, парчу и хинновский¹⁹ шёлк. Рискую жизнью, ты обдурил Кончака и вытурил его из Переяславской земли... А теперь послужи мне ещё раз, Самуил!

– Говори, княже. Я со своим молодым другом Жданом готов служить тебе верой и правдой. Что мы должны сделать?

– Ты уже слышал, что я хочу отомстить Кончаку за нападения и разорение Посулья. Но одного желания мало. Чтобы поход завершился успешно, нужно склонить к нему не только князя Рюрика, но и князей Святослава, Ярослава Черниговского, Игоря Северского с его братьями...

– Как же это сделать?

– Ты возвращаешься в Киев?

– Да.

– Вот и хорошо – самолично отвезёшь мои письма князьям Рюрику и Святославу... А они знают, как надо поднять на подвиг других князей.

– Мы сделаем это, княже!

– Но дело спешное...

– Мы выедем завтра поутру и будем гнать коней что есть сил.

¹⁸ Тысяцкий – начальник тысячи, боярин, которому принадлежала военная власть в городе.

¹⁹ На территории современной Венгрии в IV–V вв. существовало государство гуннов (русики называли их хиннами). В Киевской Руси угро-венгров по старой памяти звали также хиннами.

2

Метель началась в полдень. Сначала подул сильный ветер, потом повалил густой крупный снег, который залеплял лицо и глаза, забивался в рукава и за пазуху, застилал непроглядной пеленой и небо, и всё вокруг.

Но ни Самуил, ни Ждан не тревожились. Разве им впервые встречать пургу в степи или в лесу? А кони сами, каким-то лишь им присущим чутьём, находили под копытами твёрдую наезженную дорогу.

Но скоро завихрило так, что не стало видно и конских голов. Казалось, все силы – земные и небесные – ополчились против них. Намертво преградили дорогу. Что делать? Попробовать всё-таки ехать дальше? А если собьются с пути?... Остановиться в какой-нибудь балке и переждать ненастье? Но кто знает, сколько оно продлится – день, два?...

Кони тяжело брели в глубоком снегу. Ветер завывал, бесился, неистовствовал, бил в грудь, пронизывал насквозь кожу, сёк лицо и с диким гогогом мчался над мёртвой пустыней на восток, в половецкие степи.

Так ехали ещё с час, пока кони сами не остановились. Путники насыпали им из перемётных сум в торбины овса, покормили, взяли в руки поводья и двинулись дальше.

Наступали сумерки. Приближался вечер.

Давно уже должны бы прибыть в Глебов, а его всё нет и нет. Неужели мимо проехали? А ветрище не унимался, буран, казалось, задался целью замести снегом всю землю.

И кони и люди совсем выбились из сил.

– Отдохнём хотя бы немного, – сказал Самуил, останавливаясь. – Клади коня спиной к ветру. А сам ложись за него.

Легли.

Сразу же вырос сугроб. Стало тише. Снеговой продолжал завывать над полями, но уже не сёк лица, не забивался в рукава, за воротник, не замерзал на бровях и бороде ледяной коростой.

Ждан свернулся клубком, прижался спиной к тёплому животу коня, натянул поглубже на голову шапку и закрыл глаза. Подремать? Но сон не приходил, мысли роем вихрились в голове.

Ещё и месяца не прошло, как из далёкого половецкого кочевья выехали они с отцом вот в такой же выжженный вечер и направились на запад, на родную землю. А как много изменилось в его жизни! Судьба вон как круто изменила жизненный путь. К лучшему ли, к худшему? Кто это ведаёт? Пока что – к лучшему. Он сдружился с умным и добрым дядькой Самуилом, который, может, и проявляет хитрость к покупателям, сам же говорит: не обманешь – не продашь, но к нему относится как к родному. Окончательно вызволил из половецкой неволи. Познакомился с князем Переяславским и получил от него за добрую весть и верную службу коней, одежду и оружие, а это – целое богатство! Чего ещё не хватает?

Он и не заметил, как задремал. Проснулся оттого, что чья-то рука трясла за плечо.

– Вставай, отрок! Вставай! А не то задубеем тут! – послышался голос Самуила. – Надо двигаться дальше.

Ждан поднялся. Было уже совсем темно.

– Куда же идти?

– Бери коня за повод и не отставай от меня!

Но не сделали они и сотни шагов, как услышали собачий лай. Значит, впереди жильё, там – спасение: для них тёплая хата, для коней – безветренная конюшня да охапка сена. Вперёд! Скорее туда!

Хата вынырнула из тьмы внезапно – выглянула камышовыми стрехами из-под снега, как гриб из-под листа. Сквозь махонькое оконце, затянутое сухим бычьим пузырьём, мерцал желтоватый свет.

Самуил застучал древком копьё в дверь:

– Хозяин, открывай!

Дверь приоткрылась, послышался старческий голос:

– Кто тут? Кого Бог послал?

– Путники, отче! Пусти в хату – замерзаем!

– Да кто же вы такие?

– Гонцы от князя Переяславского к князьям Киевским.

– Так вы и ехали бы в город – к тиуну²⁰.

– А что за город?

– Да Глебов же!

– Глебов! А далеко ли?

– Да нет – всего поприще²¹. А это посад...²²

– Отче, побойся Бога! У нас уже нет сил и два шага ступить, а ты говоришь – поприще.

Нет, мы у тебя заночуем! – И Самуил решительно отстранил хозяина от порога. – Хлев у тебя есть?

– Да есть.

– Так поставь туда наших коней и сенца им дай.

Старик накинул на плечи кожушину, и они вместе напоили коней, расседлали и положили им сена. А когда управились, зашли в хижину.

Хатка небольшая. Слева от двери – печь, под образами – стол, за печью широкие полати для спанья. Там, накрытый кожухом, кто-то лежал. Вдоль стен, скреплённые с ними, лавки. В устье печи горит лучина, освещая небольшой столик башмачника с его инструментами – деревянными колодками и гвоздиками, дратвой, смолой, острым ножом, молотком... Там же, на столике, стояла пара сапог – один уже готовый, а другой ещё на колодке. На жердине, под потолком, незатейливая одежда смерда.

– Как же тебя звать, дедусь? – спросил Самуил.

– Поп окрестил Иваном, а люди прозвали Живосилом... Так и вы зовите – Живосилом.

– Так, может, старина Живосил, угостите нас чем-нибудь горяченьким? С мороза – ой как хочется!

– А что, это можно! Добрым людям мы всегда рады! – ответил дед Живосил и заглянул за печь. – Любава, Любава! Вставай! Бог послал нам гостей – приготовь вечерять!

Из-под кожушины вылезла девушка, наинула на плечи епанчицу, вступила в сапожки, вышла на свет.

– Добрый вечер, люди добрые!

– Будь здрава и ты, девонька, – ответил и за себя, и за своего молодого спутника Самуил. – Прости, не дали тебе поспать.

– А я ещё и не спала, – ответила Любава. – Присаживайтесь к столу, а я быстренько... Правда, не ждали мы никого, так что не обессудьте, чем богаты – тем и рады... Борщ вот у нас есть!

Она улыбнулась и вдруг встретила взглядом с Жданом. Похоже, не ожидала, что один из гостей – пригожий молодец, так как смутилась, быстро опустила глаза и кинулась к печи. Но этого мгновения было достаточно, чтобы Ждан заметил необычайную красоту девушки и тоже ступешался.

Девушка и вправду была прекрасна. Чем – юноша и сам не мог понять, не имел времени рассмотреть, а сейчас она пригнулась к печи и рогачом доставала закопчённый горшок с бор-

²⁰ Тиун – управитель в поместье князя или боярина.

²¹ Поприще – древняя мера длины, равная в разные времена от 120 до 240 метров. Также – дневной или конный переход.

²² Посад – в Древней Руси торгово-ремесленная часть города, расположенная за крепостной стеной (вне крепости).

щом – видна только стройная фигурка и толстая чёрная коса. И ещё запомнилось: из-под тонких бровей на него глянули такие неожиданно тёплые, тёмно-мглистые, с поволокой глаза – как летнее звёздное небо!

Любава!..

Тем временем девушка налила в большую глиняную миску борщ, на рушник нарезала хлеб, наредила лук и чеснок – поставила всё на стол. Перед образами засветила свечку – в хате стало сразу светлее.

– Прошу, гости дорогие, к вечеру!

Самуил развязал саквы²³, достал кусок сала и кольцо колбасы. Нарезал походным, засапожным ножом.

Дед Живосил пощёлкал языком, сказал уважительно:

– Ай-ай-ай, никак не ждали таких гостей! Какая получается богатая вечеря! Грех, грех отказываться! Любава, садись-ка. – Он подмигнул Самуилу и придвинул к столу скамью.

Но Любава садиться не собиралась. Видя это, Самуил легонько взял её за локоть:

– Не отказывайся, голубушка, садись. Дядька Самуил и Жданко – не волки, не кусаются... Правда, за молодого ручаться трудно – может, чего доброго, и куснёт, но не больно. Да ты не бойся, а вдруг это твой суженый? А?

Девушка совсем застеснялась и села за противоположную от Ждана сторону стола. Украдкой взглянула на юношу. И снова их взгляды встретились. На этот раз подольше.

Любава была ещё очень молоденькая – шестнадцати, от силы семнадцати лет. Невысокая, плотная, темноглазая, с мягкой толстой косой и тёмными бровями, она походила на пушистую зверушку, что испуганно выглядывает из-за зелёной листвы дерева. Ждану подумалось: «Боже, какое чудо выросло в этой убогой хатке! И как хорошо, что оно не попало в полон к степнякам, где так быстро линяет девичья краса!»

А Любава между тем сетовала про себя, что судьба несправедливо поступила с ней. Вот встретила она красивого молодца, княжеского гридня, судя по одежде и оружию. Но что толку! Кому нужна она, внучка смерда? Ждан завтра утром встанет, оседлает коня – только снег вихрем взвьётся за ним! Разве вернётся он когда-нибудь к этой бедной хатке, где из каждого угла глядит только нищета? Разве нужна ему холопка, у которой ни поля, ни леса, ни коня, ни коровы, а одни лишь руки, чтобы работать на тиуна, боярина или князя? А Ждан такой красивый, и какой у него мягкий, добрый взгляд! Боже, почему ты так несправедлив ко мне?

Любава опустила глаза и взялась за ложку. Она была голодна, но не решалась протянуть руку, чтобы взять кусочек сала или колбасы. Ела свой чёрствый хлеб и борщ с запахом бурака.

Наблюдательный Самуил хмыкнул в бороду.

– Э-э, голубонька, так не годится! Дала бы нам горяченького, что сама ешь, а нам, вишь, оставила сало и колбасу, которые, как и мы, на морозе заоченели. Так не пойдёт! Выручай, бери колбаски и сальца, а мы погреемся борщочком.

Все засмеялись, и за столом сразу возник дух доброжелательности и непринуждённости, что сближает незнакомых людей, делает их искренними, открытыми навстречу друг другу и приветливыми. За едой и разговорами время шло быстро. Самуил и Ждан узнали, что дед Живосил всю жизнь сапожничал, своей земли не имел, а вот сапоги и женские черевички шил неплохие. Но с годами острота зрения уходила, работал-то при лучине, а потому уменьшались и заработки. Ему перестали заказывать новую обувь, только ближайšie соседи, по старой памяти, приносили какие-то стоптанные башмаки, чтобы залатал дырку или подбил подметку. А разве это заработок?... Если бы живы были сын с невесткой, как-нибудь выкручивались бы, но налетели половцы – сына убили, невестку забрали... Как тут выкрутишься? А нужно и прокормиться, и одеться, и внучке ожерелье да подвески купить, а то вон уже какая девица

²³ Саквы – перемётные сумы.

выросла!.. А ещё ж нужно и княжеское платить, и десятину на церковь дать, и боярину, и посаднику, и тиуну... А где взять?

– Да, нелегка у тебя, дед, жизнь, – согласился Самуил.

Беседа затянулась допоздна. Лишь когда пропели первые петухи, легли спать. Мужчины на полу, Любава – на печи.

Проснулся Ждан от приглушённого разговора в сенях. Стал прислушиваться. Чей-то грубый голос сердито бубнил:

– Мне надоело ждать, Живосил! Или отдашь долг ныне, или пусть девка отработает!

– Будь человеком, Карпило! – просил Живосил. – Отдам! Всё, что должен, отдам! А пока возьми то, что имею...

Незнакомый Карпило, слышать, разгневался ещё больше, голос его загремел:

– Что ты мне тычешь, старый хрыч, какую-то несчастную ногату!²⁴ Так тебе и до смерти не расплатиться!.. Говорю тебе – пускай внучка отработает... Сколько ещё ей сидеть у тебя на шее? У неё и харчи будут, а у тебя долга не станет...

– Не быть по-твоему, Карпило! Не пушу внучку!

– А я и спрашивать не стану! Потяну силой – и всё тут!

Из сеней донёсся шум борьбы, что-то с грохотом упало, потом раздался девичий крик:

– Ой, дедуся!..

Ждан вскочил с постели.

– Дядька Самуил, вставай! Несчастье с Любовой! Быстрой!

Надев сапоги, сорвал с колышка меч и, как был – раздетый, простоволосый, кинулся из хаты.

Дверь из сеней распахнута настежь. В сенях – никого. Голоса слышатся у самых ворот. Ждан стремглав выскочил во двор.

Утро выдалось тихое, солнечное, и только высокие сугробы пушистого снега напоминали о том, что недавно здесь бушевала метель.

У ворот возились четверо. Двое, одетые в бараньи кожухи, тянули за руки Любаву, которая изо всех сил упиралась ногами в сугроб, а дед Живосил тормозил одного из них за рукав и охрипшим голосом умолял:

– Карпило, не трогай дивчину! Оставь! Ибо грех на тебе будет! На твоих детях отольются наши слёзы!

– Иди прочь! Отцепись! – отмахнулся тот свободной рукой.

– Карпило!..

– Прочь, говорю, старый хрыч! – разозлился Карпило и кулачищем толкнул старика в грудь.

Живосил пошатнулся и упал в снег.

Ждан перескочил через сугроб и выхватил меч.

– Остановитесь, мерзавцы! Оставьте дивчину!

И Карпило, и его помощник, молодой парень, выпустили из рук Любаву, отшатнулись. Жирное лицо Карпилы побагровело, глаза от гнева и удивления полезли на лоб.

– Ты кто такой? Как смеешь руку поднять на княжьего тиуна?! Да я тебя... Да я...

Он задыхался от ярости. Рука шарила по боку, нащупывая рукоять меча. Его подручный отступил к калитке.

Но тут на помощь Ждану подбежал Самуил:

– погоди, тиун, успокойся! Не горячись! Не тронь меч!.. Почто тянешь девицу, как собаку? Почто ударил старого? Чем он пред тобою провинился?

²⁴ Ногата – мелкая денежная единица Киевской Руси, двадцатая часть гривны. Гривна – денежная и весовая единица, равная 400 граммам серебра.

Карпило выпрямился. Невысокого роста, дебелий, с толстой шеей, он походил на бугая. Ноги расставил, голову нагнул – тарашится исподлобья.

– Кто вы такие, чтоб я перед вами ответ держал? Тати, разбойники с большой дороги! Да я немедля прикажу вас в яму бросить! В колодки забить! В железные путы заковать! К князю притащу на суд, а то и сам... вот этими руками... Ну, ответ держи, кто такие?

Самуил подошёл ближе, вытащил из-за пазухи плотный пергаментный свиток с восковой печатью князя, что скрепляла тонкий шёлковый шнурок, и ткнул Карпиле под нос:

– Гляди, тиун! Узнаешь печать князя Владимира?

Карпило, оторопев, заморгал.

А Самуил продолжал:

– Узнал... Вот и хорошо!.. А теперь слушай: ты не тронешь этих людей – ни деда Живосила, ни Любаву – и пальцем! Ни сегодня, ни завтра, ни когда-либо!

Карпило ещё не знал, кто перед ним, но понял, что препираться опасно – у незнакомцев письма с княжескими печатями! А таких – лучше не трогать! Он виновато пожал плечами, пробормотал:

– Понял... Как не понять... А я что? Разве зла хотел этой девице? Я же – как лучше!.. По справедливости... По Русской правде...

– По Русской правде... – передразнил его Самуил. – Где же тут правда? Ею и не пахнет! Князь Ярослав, когда давал нам Русскую правду, то велел жить по правде сердца, по совести, а ты... Вот теперь иди и запомни, что мы тебе тут сказали: не смей и пальцем тронуть ни Живосила, ни Любаву! А долг его я тебе заплачу, как только в следующий раз навещу Глебов. Меня Самуилом зовут, чтобы и ты знал...

Тиун глянул угрюмо, поглубже натянул шапку и молча поплёлся со двора. Пахолок²⁵ подался за ним.

Дед Живосил прослезился:

– Спаси вас Бог, люди добрые! Защитили нас с Любавой! Карпило – не человек, а зверь: сгноил бы меня в яме, а Любаву... Страшно подумать, что стало бы с нею, если б попала в руки этого убийца! Да берегут вас боги!

А Любава стояла рядом испуганная, бледная, и большими, тёмными, как ночь, заплаканными глазами благодарно смотрела на Ждана, и её пухлые дрожащие губы тихо шептали одно только слово:

– Жданко... Жданко...

²⁵ Пахолок – здесь: слуга.

3

В тот же день, под вечер, Самуил и Ждан через Лядские ворота въехали в Киев. Город лежал в белых снегах, а над ним в небе плыли громкие звуки колоколов – звонили к вечерне.

По одной из улиц, что вели на Гору, они поднялись к собору Святой Софии, миновали храмы Ирины и Георгия и повернули в боковую улочку, что заканчивалась тупиком. Остановились перед прочными тесовыми воротами с такой же кровелькой над ними. Не слезая с коня, Самуил древком копья застучал в них.

– Неужто ты тут живёшь, дядя Самуил? – спросил Ждан, не скрывая удивления: он увидел в глубине двора высокий двухэтажный дом, сложенный из потемнелых от времени брёвен и покрытый гонтом²⁶.

– Нет, здесь живёт мой вуй²⁷, боярин Славута, а я, спасибо ему, по соседству, рядом... Видишь ли, хлопец, нам нужно поскорее встретиться с князем Святославом, а боярин Славута бывает у него почти каждый день. Нам же с тобой не так просто попасть в княжеские хоромы... Понял?

– Понятно... Так ты, оказывается, вон из каких богачей, дядя Самуил! Сам купец, вуйко твой – боярин... Каждый день у князя бывает... А ты такой простой – ну, как и я, к примеру...

– Э-э, Ждан, выпадет удобное время – расскажу, из какого я рода, а сейчас не до того... Загремели засовы, и ворота открылись.

Навстречу им вышел молоденький прислужник.

– Дядя Самуил? Ох, не ко времени – боярин собирается к князю. Там сегодня, говорят, пир...

– С чего бы это?

– Княгини Марьи Васильковны – именины...

Прислужник проводил их в хоромы боярина.

В просторной светлице пахло воском – на столе горела свеча. Слева от стола – полки с книгами и свитками пергамента. Вся правая стена завешана оружием. Чего только здесь не было! Мечи русские и сабли половецкие, луки простые и клеёные, луки-самострелы и тулы – колчаны со стрелами, боевые топоры, копья-пики и метательные копья – сулицы, кольчуги и латы, шлемы, поножи...²⁸ Глаза у Ждана разбежались, и он не сразу заметил хозяина этой комнаты, боярин стоял в полутёмном углу и небольшим костяным гребнем расчёсывал седую бороду.

Но вот он положил гребень на стол и, широко раскинув руки, вышел вперёд.

– Самуил! Вот не ожидал! Ты же сказал, что отправляешься в Путивль! И вдруг – здесь... – Он обнял Самуила и трижды поцеловал. – Где ты раздобыл себе такого спутника? – И повернулся к Ждану: – Славный парубок! Гриденя? Чей?

Самуил коротко рассказал обо всём, что ему и Ждану пришлось пережить за последнее время. Показал письма князя Переяславского.

Боярин Славута слушал, не переспрашивая и не перебивая. Был он выше Самуила и чем-то немного схож с ним. Такой же, как у того, высокий крутой лоб, над которым в беспорядке кучерявые волосы, усеянные сединой, прямой, с небольшой горбинкой нос и резко очерченный рот. Но в то же время и отличался от Самуила. Прежде всего – глазами. У боярина они какие-то необычайные. В них и смотреть было страшновато: казалось, насквозь тебя видят. Синие, с голубизной, не большие, но и не маленькие, умные, они светились, как только что

²⁶ Гонг – тонкие сосновые, еловые или осиновые дощечки.

²⁷ Вуй, вуйко – дядя, брат матери.

²⁸ Поножи – пластины для защиты ног у воинов, от колена до щиколотки.

расцветшие блаваты²⁹. И хотя всё в этом человеке было необычным, привлекали внимание прежде всего глаза. Потом уже выделялись гордо посаженная на сильные плечи голова, выющиеся седые волосы и такая же кучеряво-седая борода, а также *сильные* руки, от пожатия которых Ждан даже поморщился. «Ничего себе, старый!» – подумал юноша, стараясь определить возраст боярина – пятьдесят ему или шестьдесят?

– И чего же ты хочешь, Самуил? Чтобы я провёл вас к князю?

– Да, вуйко. Дело весьма спешное.

До той части города, где находился княжеский дворец, шли пешком. Киевские улицы кишели пёстрыми толпами людей. Степенно шествовали в церковные храмы богато одетые боярыни и купчихи в сопровождении дочек, детей, внуков, челяди, мчались вооружённые всадники, брели бабуся, играли в снежки дети, протягивали руки за милостыней нищие, торопился по своим делам трудовой люд...

Стража беспрепятственно пропустила боярина Славуту и его спутников в княжеские хоромы. Они вошли. Князья уже были там.

Славута поклонился. Самуил и Ждан тоже склонились в низком поклоне.

– Князь Святослав и князь Рюрик с княгинями, – шепнул купец Ждану. – А то – их сыны и дочери, внуки...

У Ждана от такого богатства и блеска зарябило в глазах. Мог ли он подумать, что из вонючей вежи кочевника судьба вдруг перенесёт его в княжеские хоромы, что он, бывший кощий³⁰, половецкий раб, будет разговаривать с великими киевскими князьями?

Князья с родичами были готовы к выходу. Пoblёскивала при свете свечей золотом и серебром парча, сверкали женские украшения, темнели, как кровь, княжеские корзна³¹.

Святослав и Рюрик стояли посреди хоромины. О чём-то говорили друг с другом. Святослав – высокий, важный, седовласый, с большим крючковатым носом, Рюрик – младший, черночубый, среднего роста, в чёрной бархатной одежде. Они разом замолчали и повернулись к Славуте.

Боярин рассказал о вторжении Кончака, а Самуил протянул письма переяславского князя Владимира. Прочитав их, князья переглянулись.

– Что будем делать, княже? – спросил Рюрик.

– Думаю, пора наказать Кончака. Слишком он занёсся... Надо проучить его, да и других ханов заодно, ведь они уже разорили всё Посулье, а вскоре и до Киева доберутся. Князь Владимир жалуется, что совсем обезлюдела переяславская окраина и люд обнищал...

– Правда, ему куда больше других от половцев достаётся.

– Думаю, должно немедленно собирать князей и выступать в поход, – твёрдо заявил Святослав.

– Я тоже так мыслю.

– Вот и хорошо. Призовём князей Ярослава, Игоря, Всеволода Трубчевского, Святослава Рыльского и, пока не растаяли снега, ударим на поганых!

– Я буду готов через три дня, – согласился Рюрик.

Святослав обратился к Самуилу и Ждану:

– Благодарю тебя, Самуил, и твоего спутника за такое важное известие. Не раз ты оказывал услуги мне и всей Русской земле – предупреждал о нападениях, выкупал полоняников, был моими глазами и ушами в далёкой Половецкой земле. За это я всегда признателен тебе, а ныне я возьму твои убытки. Не обойдём мы с князем Рюриком нашей милостью и твоего друга...

– Ждана, – подсказал Самуил.

²⁹ Блават – василёк, а также шёлковая ткань голубого цвета.

³⁰ Кощий – раб, смерд, кочевник; от половецкого «кочи», «кощи» – кочевник.

³¹ Корзно – верхняя одежда типа плаща.

– Если Ждан захочет остаться в Киеве, то я возьму его в свою дружину – он, вижу, крепкий и сметливый хлопец. Из него выйдет смелый воин. А если иное на душе...

– Мне хотелось бы вернуться в свою, Северскую, землю, – поклонился юноша.

– Похвально, что ты по-сыновьему любишь нашу Северщину... Я тоже севрюк... Когда так, я попрошу князя Игоря, чтобы он взял тебя на службу. Ему нужны, как и мне, славные хлопцы.

– Благодарствую, княже.

– А теперь, если хотите отведать княжеское угощение, прощу в гридницу, будете моими гостями. Славута, проводи их!

Самуил и Ждан склонились в поклоне.

4

Гридница, большой зал, пристроенный к княжескому дворцу, уже гудела от множества голосов. За длинными, в три ряда столами сидели бояре с боярынями, духовные особы, воеводы с жёнами, видные князья мужи и гридни. Столы ломились от яств.

Славута посадил Самуила и Ждана в конце стола.

– Кузьмище, – обратился он к лохматому немолодому гридню, – присмотри за моими гостями. Чтобы у них в тарелях не пустовало и чтобы они тут не скучали! Мне же должно находиться возле князей...

– Боярин, о чём речь? – загудел, как в бочку, гридень. – С Кузьмищем не пропадут – тарелям пустовать не позволю, а если они и сами не промах – мимо рта не обнесут! Да и Стоян мне поможет. – И он подтолкнул локтём своего молодого соседа. – Так что иди, боярин, и не тревожься! Всё будет как положено!

Тем временем столы и чашники закончили обносить гостей кушаньями и напитками, остановились с рушниками за их спинами. Шум продолжал усиливаться – приближалось время трапезы.

И вдруг все замолкли. В гридницу вошли князья и княгини с семьями.

Гости встали, склонили головы в поклоне и так стояли, пока те не уселись на свои места на возвышении за поперечным столом.

– Братия и дружина, – начал Святослав, – сегодня будем веселиться, так как есть тому причина – именины нашей княгини Марии Васильковны. Пожелаем ей доброго здоровья и радостей!.. А завтра затрубим в поход против безбожного Кончака, который только что разорил Посулье, как мне рассказали очевидцы. Чтобы не собирать вас каждого специально, вот мой наказ ныне: завтра же начинайте готовиться к походу!

Гридница вновь наполнилась гулом. Новость важная. Собрались на весёлую трапезу, а оказалось – на войну готовиться! Да к тому же на какую – зима, снег, бездорожье!..

Князь Святослав помолчал, потом поднял серебряный, с двумя золотыми ободками кубок:

– Братия и дружина! Про поход у нас ещё хватит времени поговорить. А сейчас пожелаем княгине Марии Васильковне доброго здоровья и многая лета!

Все встали. Гридница содрогнулась от приветственных возгласов, заколыхалось пламя свечей.

– Многая лета!

– Здоровья князю и княгине!

Пожелания звучали вполне искренне. Вскоре изрядно проголодавшиеся бояре и гридни дружно набросились на жареную оленину, медвежатину и свинину, а потом начали прикладываться к холодцам из курятины, говядины и рыбы. Раскраснелись лица, усилился шум, нестройный гул голосов, кто-то затянул песню. Но на него зашикали, мол, не забывай, за чьим столом сидишь...

Каждому хотелось сказать княгине приятное слово. Здравницы звучали то в одном конце гридницы, то в другом.

Со стороны княжеского стола донёсся тихий, мелодичный перезвон струн, а потом к нему присоединился красивый, задушевный голос:

Ой, то не буря соколів³² занесла через поля широкіі, не зграїгаліц летять до Дону великого...

³² Соколы, галицы – обычное для древней поэзии отождествление русских воинов с соколами, а половецких – с галицами

Все замолкли.

Ждан вытянул шею – кто так хорошо поёт? И увидел – Славута. Боярин Славута! Перед ним гусли – гудят, не умолкают, пальцы летают по струнам, как птицы, голова откинута назад, серебристые кудри обрамляют его высокий лоб, а уста открыты – и из них выплывают не звуки и не слова, а какая-то неведомая, магическая сила, что залетает в душу, в самое сердце и берет его в сладкий плен. Гуслияр играл песню про поход русских воинов на половцев и про славную победу над ними...

Все слушали затаив дыхание.

Уже затихли гусли, уже растаял под высоким потолком голос, уже и сам боярин опустил плечи, сложил крест-накрест руки на столе, будто отдыхая после нескончаемо трудной дороги, и гридница ещё молчит, ещё витают в ней невыразимые чары и немеют замороженные сердца...

И лишь затем взрывается неистовым восторгом:

– Сла-аву-ута-а-а!.. Сла-аву-ута-а-а!..

– А-а-а!..

Слушатели хлопали в ладони, бряцали серебряной посудой, стучали мечами и, очарованные прекрасной музыкой и задушевым голосом, требовали всё новых и новых песен. Князь Святослав прослезился, обнял Славуту за плечи и, поцеловав в голову, произнёс:

– Благодарствую, брат мой, боярин мой, князь сердца моего! Благодарю судьбу, что подружила нас в детстве и провела, соединив наши руки, через всю жизнь! Я люблю твоё пение, люблю песни прославленного Бояна, которые ты так славно поёшь, а ещё больше люблю твои песни, ибо равного тебе не было и не будет! Пропой мне, друже боярин, песню о месяце-князе, которую ты пел мне и сорок лет тому назад!

– Князь мой, – поднялся Славута, – ты видишь, я тоже плачу, и плачу от радости, что и в шестьдесят лет мы с тобою не утратили детской и юношеской дружбы, плачу от счастья, ведь разве это не счастье – видеть своего князя и свою княгиню в такие годы счастливыми и во здравии? Разве не счастье – видеть своего князя великим князем Киевским и мечтать вместе с ним о великом будущем земли Русской, а не только вспоминать молодые годы? С радостью спою я ту песню, которую сложил для тебя, когда ты впервые встретил свою княгиню, когда ты был ещё не солнцем, а лишь молодым месяцем.

Святослав сел на своё место между Марией Васильковной и князем Рюриком, а Славута отпил глоток кваса, чтобы освежить горло, и кинул пальцы на струны.

Ой, місяцю-князю, чого зажурився,
чого засмутився?
Чи орда напала та полон забрала,
чи кінь притомився,
чи кінь притомився?
орда не напала й полону не брала
і кінь не стомився, —
я в чистому полі, у чистому полі
з дівчиною стрівся,
з дівчиною стрівся...

Пели все. Пели о молодом месяце-князе, сердце которого навек полонила красна девица-заря, о его тоске по вольной жизни, о его молодых годах, что безвозвратно отлетели белыми лебедями за далёкий горизонт... Пели все.

А князь с княгиней сидели во главе стола, как лебедь с лебёдушкой, и, оба седые, молча смотрели друг на друга, и слёзы блестели на их глазах.

Я в чистому полі, у чистому полі
з дівчиною стрівся,
з дівчиною стрівся...

И хотя пели все, среди множества голосов выделялся голос Славуты. Рокотали гусли под его пальцами, и чистый, как хрусталь, голос взлетал под потолок, звенел там серебряным жаворонком.

Песня замерла. Очарование рассеялось. Затихли звуки в далёких тёмных уголках, и гридня вновь вздрогнула от грома голосов, возгласов восторга, от топота ног.

– Слава Бояну наших времён!

– Слава песельнику Славуте!

А он сидел, закрыв глаза, и ждал, когда уймётся это неистовство. Он давно привык к такому бурному проявлению благодарных человеческих чувств, так как лучше, чем кто-нибудь иной, знал, какую великую силу имеет песня, музыка и слово.

– Кто же Славута в самом деле? – спросил Ждан, когда Кузьмище немного пришёл в себя. – Боярин, а по его словам получается, что он, как и мы, – простолюдин, в его доме полным-полно богатств и всякого оружия и книг, а поёт, как вольная птаха, как соловей! Знается запросто с князьями, а держится, как обыкновенный, безродный человек! Кто же он такой будет, скажи на милость?

Разомлелый от сытого княжеского угощения Кузьмище вытер широким рукавом пот с лица, уставился на Ждана выпуклыми глазами.

– Справедливый он человек! Вот оно что! Не одного смерда выручил от боярской или тиунской издёвки, не за одного гридня заступился перед самим князем!

– Да кто же он? Откуда? Какого рода? – допытывался Ждан. – Всё о нём знать хочется!

– Говорят, он ещё и волхв, ворожей, – сказал Стоян и тряхнул белокурыми кудрями. – И колдовать умеет, и кровь заговаривает, и волком обратиться может, если нужно, и Дажьбогу и Перуну поклоняется...

– Ну, не болтай лишнего, сестринец!³³ – оборвал Стояна Кузьмище. – Мало ли что зазря пустозвонят!

– Дыма без пламени не бывает, – не сдавался распалённый от хмельного молодец. – А ещё рассказывают, когда князь нашёл его мальцом среди тёмного леса, среди непроходимых болот, куда затянули его к себе в науку лесовики и русалки...

– Придержи язык, Стоян, и не городи вздор! – оборвал гридня Кузьмище. – Если хочется знать всё как есть, то слушайте... Я и вправду знаю, как это было.

– Расскажи, Кузьма, расскажи! – обратился к нему Самуил. – Пускай и молодёжь послушает...

– Ну, так ладно. – Кузьмище навалился грудью на стол и обвёл взглядом своих слушателей. – Было это, кажись, с полсотни лет тому назад. Старый князь Всеволод, отец нашего князя Святослава, пошёл однажды с войском на половцев, которые прорвались тогда аж за Десну, до Днепра, и сплошь разоряли там сёла и городки. Прослышали про то половцы, что вышел на них князь Всеволод, и дали стрекача. Опечалился князь, что не удалось ему встретиться с врагом и отбить полон, решил возвращаться домой... Но вот в бору, неподалёку от Днепра, гридни услышали детский плач. Кинулись туда – а там аж двое: дивчинка постарше и маленький хлопчик. Привели их к князю. А они перепугались – плачут ещё сильнее.

³³ Сестринец – племянник, сын сестры.

- Ну, чего плачете, чада? Я же не половец! – сказал им князь. – Где родители ваши?
- Батька с мамкой там, – махнула в сторону лесной чащи дивчинка, – убитые лежат...
- А как же вы?...
- Мы в кустах сховались... А всех наших нету. Кто убитый, кого в полон потащили...

Одним нам посчастливилось.

- Как звать-то тебя?
- Дариной.
- А малого?
- Меня... Славутой кличут, – поднял на князя заплаканные глаза хлопчик.

Князь задумался. Что делать с детками малыми? Оставить здесь – погибнут непременно...

- Со мной поедете? – спросил их.
- Поедем, – смело ответил Славута. – Если только коней дашь...

Так Дарина и Славута попали на княжий двор. Поселили их у бездетной кухарки князя, пускай, мол, к работе приучаются. И стал бы дворовым человеком – поваром, конюхом или, в лучшем случае, гриднем. Но судьба уготовила ему иной путь.

Тут Кузьмище умолк, протянул заросшую чёрными волосами руку к корчаге и налил кружку кваса... Выпил, крикнул, утёрся кулаком. Никто из слушателей, а слушали все, кто сидел поблизости, не шелохнулся. Интересно рассказывал старый!.. Даже Самуил недвижно сидел задумчиво.

– И судьбой этой стал наш князь Святослав, тогда ещё – малолетний отрок, как и Славута, – продолжал дальше гридень. – А произошло такое. Славута сызмалу любил петь и играть на сопилке³⁴, на бубне и гусях. Дедушка, сказывал, его научил. И как сопилки вырезать, показал. Вот однажды за городскими валами, под горою, срезал малец веточку калины, сел под кустом и стал мастерить дудку. И не заметил, как подошёл к нему чернявый хлопчик в богатой одежде: шёлковой рубашке, бархатных штанах да в красных сапожках на серебряных подковках. В руках у него – небольшой, но умелыми мастерами князя сделанный лук, а за спиной – тул со стрелами.

- Как тебя звать? – спросил чернявый, как оказалось потом, княжич.
- Славутой.
- А меня – Святославом... Ты что тут делаешь?
- Сопилку. Разве не видишь?
- И ты умеешь играть на ней?
- Умею.
- А ну-ка, сыграй!

Маленький мастер не спеша закончил сопилку, приложил её к губам и заиграл.

Княжич стоял как зачарованный. Глаза блестели.

- А ну, дай-ка мне!

Славута протянул дудочку. Княжич надул щёки, подул, но слышалось лишь тихое шипение.

- Да она же не играет!
- Надо дуть умеючи.
- А ты научи!

Славута показал, как следует поджимать язык, как складывать губы и дуть, когда прижимать пальцами и открывать дырочки. Княжич оказался сообразительным хлопчиком, и скоро у него начало получаться. Не песня, конечно, не музыка, а протяжный тихий свист, который изменялся, когда он закрывал или открывал дырочки.

³⁴ Сопилка – народный духовой инструмент, то же что и свирель.

Святослав обрадовался:

– Давай меняться! Я тебе лук – а ты мне сопилку!

Славута пожал плечами:

– Бери так. Я себе, когда захочу, ещё сделаю.

Но княжич был гордым.

– За так не хочу. Бери взамен лук!

Славута немного поколебался и взял. Глаза его тоже заблестели, как и у княжича. Оба остались несказанно довольны обменом.

Но вдруг из кустов вынырнул гридень, приставленный приглядывать и заботиться о княжиче. Он запыхался и выглядел встревоженно.

– Княжич, я с ног сбился, тебя разыскивая! Княгиня плачет, князь гневается – пропал сынок ненаглядный! А ты тут... с каким-то смердом! Что вы тут с ним делаете?

– Это не смерд, а Славута, – ответил Святослав и насупился. – Он так дивно на сопилке играет!

– На сопилке? Ишь чего!.. А лук твой где? Так этот белобрысый тать, значит, выманил его у тебя? – И выхватил из рук оторопелого Славуты игрушечный лук княжича.

– Не смей! – крикнул Святослав. – Мы честно с ним поменялись!

Но гридень и слушать ничего не хотел, схватил Славуту за воротник, а княжича за руку и потянул за собой. Перед хоромами, в окружении встревоженной челяди, стояли князь и княгиня. Увидев сына, княгиня заплакала, прижала к себе, поцеловала в голову.

– Ну, куда же ты надолго задевался, чадо моё! Я думала, что тебя уже и на свете нет! Разве так можно?...

– А всё этот смердённыш виноват, – сказал гридень и, продолжая держать Славуту за ворот, поставил перед князем. – Вывел из детинца³⁵ княжича, залучил на гору в кусты и выманил у него лук...

– Неправда! – вывернулся из объятий матери Святослав. – Я сам туда вышел и встретил там Славуту. Он сделал сопилку и так красиво играл на ней! Вот я и поменялся с ним – дал ему лук, а он мне сопилку... Не обижайте его! Он ни в чём не повинен!

Князь Всеволод приказал гридню отпустить хлопчика.

– Ты и вправду умеешь играть? – спросил, присев перед ним.

– Умею, – сквозь слёзы ответил Славута.

– Ну-ка, сыграй.

Тот несмело взял у княжича сопилку и начал играть. Сначала у него ничего не получалось, как знать – чего можно ждать ему, безродному, от грозного князя: милости или кары. Из сопилки вырывались неуверенные, отрывистые звуки. Но вот они окрепли, стали ясными, нежными и поплыли по всему подворью, привлекая к себе людей. Из гридницы высыпали гридни, из конюшен – конюхи, из кухни – кухарки с дворовыми девушками. Всем интересно – кто так хорошо играет?

Князь поднялся и долго вместе со всеми слушал Славуту. А когда тот закончил, спросил:

– А на гусях тоже умеешь? И песни играть умеешь?

– Могу и на гусях, и песни – тоже...

Князь велел принести гусли.

Малец прошёлся пальцами по струнам – и они вдруг ожили, задрожали, зазвенели, запели лебедями, зарокотали, как живые. А звонкий детский голос завёл:

Коні ржут за Сулою —
дзвенить слава в Києві...

³⁵ Детинец – внутренняя укрепленная часть города в Древней Руси.

Князь так и подался вперёд. Он любил песни, сам пел. Но услышать от малыша именно эту, самую любимую, которую сложил прославленный Боян!.. Такого не ожидал...

Песня рассказывала о походе русичей на половцев, о победной битве в далёком поле за Сулою, о возвращении победителей в Киев. А им навстречу выходили люди, поздравляли, плакали от радости, что защитили от изу веров, которые огнём и мечом разоряли Русскую землю. Звонили над Киевом во все колокола, и их чистые звуки плыли и плыли в голубом небе, прославляя князя и его дружину...

Когда песня затихла и Славута, опустив руки, потупил глаза, князь подошёл, погладил его по голове и спросил:

– Знаешь ли ты, чью песню пел?

– Дедусь говорил – Боянову... А разве не так?

– Боянову, сынок, Боянову... А Боян, чтобы ты знал, был певцом моего прадеда Ярослава, деда Святослава и отца Олега... И при мне он ещё жил, но помер, когда мне исполнилось столько лет, как тебе сейчас... Какой это волшебный, как говорят, был певец! Таких теперь нет!

– Я хочу стать таким, как он, – сказал Славута.

– Ты? – Князь задумался, а потом обратился к княгине: – А что, княгиня, возьмём этого отрока нашему Святославу до пары, для поощрения?... Пусть вместе живут, вместе обучаются... Там видно станет, что из этого выйдет. Думаю, Святославу нужен такой товарищ... А если не товарищ, то хотя бы примерный хлопчик рядом... Как ты думаешь?...

Пока княгиня размышляла, Святослав радостно закричал:

– Возьмём его, отче, возьмём! Он научит меня играть на сопилке да на гусях, а я его – стрелять из лука! Так хорошо нам будет всегда, ежели вдвоём!

Князь засмеялся:

– Так тому и быть!

Вот с того дня Славута и не разлучается со Святославом. Всё, чему учёные монахи да опытные воины обучали княжича, усваивал вместе с ним и малый Славута – и читать, и писать, и на коне ездить, и мечом, и луком владеть, и в походы ходить... И так подружились они, будто оба друг другу ровня, будто один не был княжичем, а другой – смердом... Такая искренняя дружба меж ними продолжается и до сего дня. – Кузьмище понизил голос и протянул руку к кружке. – Вот вам былина, вот вам и сказка, а мне ковш пива да тарани связка!..

И он, закатывая под лоб глаза, медленно вытянул большой ковш свежего чёрного пива, услужливо налитого Стояном, и начал со вкусом грызть солёную днепровскую тарань.

Ждан вытянул шею, поглядел через головы на старого певца, сидящего рядом с князьями. Он был прекрасен: лицо одухотворённое, глаза сияют, как звезды, с высокого лба спадают пряди седых волос, пальцы легко летают по струнам, и под потолком плывёт новая – которая уже за этот вечер! – песня:

Ой, літа молоді,
білі лебеді,
хоч помайте крильми
з-за гори мені...

Глава третья

1

Рано поутру из Киева выехали гонцы в Переяславль, Чернигов, Смоленск, Новгород-Северский, Трубчевск и Рыльск. Святослав и Рюрик скликали князей в поход на половцев. В Новгород-Северский ехали Кузьмище и Ждан.

Мчались они без отдыха и на пятый день, в обеденную пору, добрались до Новгорода-Северского.

С высокой горы, где раскинулся посад, крепость виднелась как на ладони. Лежала она между Десной и широкой балкой, на самой природой укрепленном холме, и вся её просторная площадь была застроена княжескими хоромами, собором, гридницей, конюшней, зброярней³⁶, кухней и другими строениями. Могучие валы крепости, насыпанные вдоль самого края обрыва, дубовые – тёмные от времени – заборола и башни, глубокий ров, что отделял вершину от материка с перекидным мостом через него, и узкий, выгнутый черепашьим панцирем, чтобы затруднить путь нападающим, подъезд к решетчатым железным воротам, поднимаемым и опускаемым на цепях, – всё это делало крепость неприступной твердыней.

Кузьмище снял всегда висящий у пояса сигнальный рог и громко затрубил.

На валу появились несколько воинов-севрюков.

– Э-ге-гей! Откуда? – закричали они.

– От князя Киевского Святослава к князю Игорю! – ответил Кузьмище.

Их впустили в крепость. Провели в хоромы. В просторных сенях к ним вышел молодой гридень в бархатном кафтане и жёлтых сапогах с железными подковками. Красавец, грудь колесом, на щеках – румянец, кучерявый русый чуб небрежно спадал на лоб, в красивых, слегка навывкате глазах – лукавые огоньки.

– Кто такие? – спросил с чувством превосходства.

– А ты кто? – в тон ему ответил Кузьмище.

Гридень пожал плечами, усмехнулся: как же так, его и вдруг не знают?

– Я сын тысяцкого Рагуила – Янь.

– А мы – посланцы от киевского князя Святослава к князю Игорю.

– Подождать придётся до вечера... Князь с княгиней Ефросинией принимают сейчас гостей.

Кузьмище встопорщил бороду, засопел и воскликнул:

– Хлопче! Да ты ведаешь, что говоришь? У нас к князю спешные вести. Поход на половцев готовится! А ты – до вечера! Ха! Видали такое?

Но Янь, похоже, никогда не сердился. Он разгонисто захохотал и шутливо толкнул старого гридня в грудь.

– Чего шумишь, борода? Так бы сразу и сказал, что про поход весть привёз! – и распахнул дверь. – Заходите!

В большой светлице, несмотря на солнечный день, стояли сумерки. Цветные стёкла окошек пропускали мало света. В углу, перед образами, горели свечи.

Гонцы поклонились, поздоровались.

Ждан сразу узнал князя Игоря, хотя видел его всего лишь раз, три года тому назад, когда тот приезжал в Путивль. Он почти не изменился: те же пронизательные строгие глаза, зачёр-

³⁶ Зброярня – мастерская по изготовлению оружия – зброи и доспехов.

саннные назад чёрные волосы и небольшая, аккуратно подстриженная бородка резко оттеняли белизну худощавого лица, а крепкая, тугая шея и широкие плечи выдавали силу незаурядную. Было ему тридцать лет и три года.

Рядом с ним, на почётном месте, сидела русоволосая красавица жена – княгиня Ефросиния... А дальше за столом темнело несколько человеческих фигур, но разглядеть, кто такие, было некогда, так как, увидев выставленную вперёд бороду Кузьмищи, Игорь воскликнул удивлённо:

– Кузьмище! Вот не ждал! Сколько ж это лет я тебя не видел?

– Да поди уже четыре года... С того времени, как мы вместе с тобой, княже, да с ханом Кончаком на Киев шли, чтобы отвоевать его у Рюрика для князя Святослава. А Рюрик, не будь дурнем, обошёл нас с тылу да и припёр к Днепру. Я – шмыг в кусты и задал стрекача... А тебе, княже, как тогда посчастливилось?

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Игорь. – Ну и напомнил ты историю!.. Мы с Кончаком успели вскочить в чёлн, что стоял на наше счастье у берега, и тоже бежали – дух перевели только в устье Десны, в Городке. Там же на радостях, что спаслись, договорились, что, когда подрастут наши дети, мой сын Владимир и дочка хана, стать сватами... Ой-ой, как давно это было!.. А ныне ты с чем ко мне пожаловал?

Кузьмище подал пергаментный свиток. Игорь сломал восковую печать, развернул письмо и начал читать вслух. Святослав оповещал о нападении Кончака на Переяславскую землю, звал князей в поход, чтобы отомстить нападающим.

– Вот тебе и сват! – дочитав, воскликнул Игорь. – Вот тебе и Кончак! Клялся быть сватом, а теперь землю Русскую разоряет. А? Уж очень он возомнил много о себе в последнее время. Собрал под свою руку несколько орд и считает теперь себя великим ханом... Натворит он невзгод, если отпора ему не дать!

– Однако не на Северскую землю он напал, а на Переяславскую, – подал голос из-за стола черноволосый юноша в красном княжеском корзне на плечах. – Пускай Владимир Глебович и заботится! А мы далеко!

– Э-э, Святослав, от Дмитрова до Путивля совсем не далече! Конечно, сын Глебов загордился, считает, что он со своим Рюриком – пуп земли Русской. Выдал сестру свою Ольгу за моего брата Всеволода, а нас, Ольговичей, чурается, не хочет иметь с нами добрые, близкие отношения!.. Но не о том сейчас речь. Хорошо, что Кончак не двинулся дальше. А если б пошёл? Как знать, куда бы повернул? На Переяславль, на Путивль или на твой благословенный Рыльск? Брат наш Святослав Киевский правильно решил, что надо в поход на Кончака идти...

Игорь вновь обратился к гонцам:

– Князья уже выступили?

– Когда мы отбыли из Киева, то уже готовились. Они хотели перейти Днепр и ждать в Ольжичах Ярослава Черниговского, а потом двинуться к Лохвице на Суле. По дороге к ним должен подойти переяславский полк...

– Значит, нам тоже – до Лохвицы... Ты готов, Всеволод? – спросил Игорь могучего с виду смуглого мужа, что сидел по правую руку от него и спокойно, словно речь шла о каких-то будничных делах, обгрызал гусиную ножку.

Это был младший брат Игоря, князь Всеволод Трубчевский.

– Мои кметы³⁷ всегда готовы. Два дня на сборы – и мы в пути, – ответил Всеволод. – Мои кони с удовольствием разомнутся, да и я сам по степи всласть погуляю...

– А ты, Святослав, князь Рыльский? – повернулся Игорь к безусому молодцу в красном корзне.

³⁷ Кмет – крестьянин, хлебопашец.

Тот развёл по-юношески узкую грудь, гордо выпрямился. На его желтоватом лице пробились едва заметный румянец, а чуть раскосые глаза воинственно блеснули.

– Я тоже готов, стрый³⁸. Сегодня же скачу в Рыльск! А через два дня выступлю к Путивлю, где встречу с тобой и стрьем Всеволодом.

– Ну, вот и договорились обо всем!

Поднялся отрок, что до сих пор неподвижно сидел по правую руку от князя Всеволода. Было ему лет четырнадцать, но густые тёмные брови и пышные светло-русые волосы, зачёсанные, как у воина, назад, придавали ему вид более взрослого.

– Княже, – заговорил он хрипловатым голосом, который уже начал ломаться, – а мне ты неужто не позволишь пойти в поход?...

Игорь внимательно посмотрел на подростка, и в его глазах засветилась нежность. Это был его сын – первенец, и любил он его, даже самому себе в этом не признаваясь, больше, чем других детей.

– Владимир, я рад слышать от тебя такие слова. Ты – настоящий Ольгович! – с гордостью произнёс князь, любуясь сыном. – Мне приятно, что в тебе живёт ратный дух наших предков. Несомненно, ты пойдёшь со мной! Пора уже и тебе начинать! Но пойдёшь уже не простым воином, а князем, во главе путивльских стягов, ибо отныне Путивль принадлежит тебе!

– Отче, как я рад! – восторженно воскликнул княжич и, подбежав к отцу, поцеловал его в плечо. – Я сегодня же выступаю в Путивль! Соберу свой полк, приготовлю все, чтобы достойно встретить князей в Путивле!.. У себя!..

Потом вперёд выступил Ждан и протянул Игорю свой свиток.

Игорь начал читать, как и первое письмо, вслух. Святослав Киевский описывал бегство юноши из половецкого полона, про встречу с Кончаком и Самуилом. А в конце советовал Игорю взять Ждана к себе на службу, «понеже отрок надёжный, смелый и разумный вельми. Будет он князю не в тягость, а в радость, и понеже боярин Славута тож просит за сие».

Игорь с любопытством взглянул на лицо и оценил ладно скроенную фигуру юноши, которого так расхваливал Святослав.

– Ты из севрюков будешь?

– Севрюк, княже. Из Путивльской волости. Над Сеймом было когда-то сельцо Вербовка, если знаешь...

– Почему было?

– Половцы дотла его сожгли.

– Оно и сейчас есть... Правда, в нём всего несколько хат... Но есть! Живёт!..

– Так, может, и из моего рода кто остался? – воскликнул Ждан. – Вот была бы радость!

– Придёт время – узнаешь... А сейчас ты хочешь, я так понял, поступить ко мне на службу. И в этом за тебя просят князь Святослав и боярин Славута... Что же ты умеешь?

– Руки и голову имею – потому и умею немало... Чего не умею – научусь!

– Вот ты каков! Но всё же... За конями ходить умеешь? Из лука стрелять? Мечом и копьём орудовать?

– Возле коней я сызмала... А в полоне три года с отцом пас табуны Секен-бея... Умею и мечом рубить, и копьё метнуть!

– А ещё что?

– Читать умею и писать...

– Даже так? Да ты просто находка для меня! Вы слышите? Он даже читать и писать умеет!

А по-половецкому говорить научился?

– Было время и для этого, княже... И не хотел бы, так беда научила!

– Гм... Ты из простых смердов?

³⁸ Стрый – дядя, брат отца.

– Из простых, княже.

– А почто не хотел вернуться к себе в волость?... Сразу, как говорится, из грязи да в князи...

– Нет, такого я и в мыслях не имел, когда на родную землю добирался. Чтобы к тебе на службу, это князь Святослав надумал, а особенно боярин Славута... Слышал про Славуту, княже?

– Как не слышать! Это же мой учитель... Он многих Ольговичей учил... Так кем же ты хочешь быть?

– Кем прикажешь, княже... После полона никакая работа не страшна – был бы кусок хлеба да угол тёплый...

Игорь в задумчивости побарабанил пальцами по столу, что-то прикидывая. Было видно, что юноша ему понравился.

– Так говоришь – коней любишь и умеешь их в порядке держать?

– Люблю, княже, и умею.

– Тогда беру я тебя... Мне как раз нужен конюший, старый долго верой и правдой служил, но вот упокоился...

– Благодарствую, княже. Буду стараться, – поклонился Ждан князю.

– Но не думай, что будет тебе у меня сладко. Конюший, помимо забот о конях моих, должен сопровождать меня во всех походах, в битвах. Если что не годится, то есть ещё время передумать и отказаться.

– Я остаюсь у тебя, княже, – твёрдо сказал Ждан.

– Вот и ладно, – завершил разговор Игорь и обратился к широкоплечему, с окладистой бородой человеку, сидящему рядом с Янем: – Рагуил, покажи новому конюшему конюшни, коней, конюхов, позаботься о жильё и одежде и дай достойный приют гонцам князя Святослава.

– Повинуюсь, княже, – степенно поклонился, поднимаясь, Рагуил. – Сейчас мы с Янем всё сделаем.

2

В поле возле Ольжич, на левом берегу Днепра, раскинулся стан воинов. Третий день непрерывно горят на снегах костры, на которых воины варили кулеш с говядиной, сушили онучи возле огня, сами грелись, потому что и в продуваемых ветрами шатрах стоял жгучий мороз.

Вокруг шатров в два ряда поставлены сани – оглоблями в поле на случай неожиданного нападения. На санях – оружие, кольчуги, щиты, сухари, крупы, солонина, мороженое мясо, овёс... Повсюду не стихают тысячеголосый людской гомон и ржание коней.

А воины всё прибывают и прибывают.

Великие князья Святослав и Рюрик ждут из Чернигова князя Ярослава с дружиной. Святославу не терпелось увидеться с братом – выезжал навстречу, в поле за Ольжичи. Тот прибыл лишь под вечер. Без войска, с небольшой дружиной для охраны.

Святослав как увидел – потемнел в лице. «Неужели и теперь мой любимый братик приготовил какую-то каверзу?» В который уже раз. Как только занял он после него черниговский стол, так и начал всё гнуть по-своему – сторониться старшего брата, заводить дружбу и с Игорем, и Всеволодом, обособляться от Киева, уклоняться от общих походов на половцев, заигрывать с ними и даже заключать какие-то договоры...

Хотел Святослав сказать резкое слово, но сдержался, только подумал: «Эх, брат, брат! Неужели завидуешь мне? Неужели и тебя, как и других, прельщает великокняжеский стол? Глупый еси! Не познал ты горечи моего положения – быть великим князем – и не в силах многое сделать из того, что ох как надобно... Сидеть на золотом столе киевском, принадлежавшем некогда великим князьям Святославу, Владимиру, Ярославу, Владимиру Мономаху, и чувствовать себя неполноценным князем земли Русской! Разве сравниваешь по количеству воинов и по богатству с Ярославом Осмомыслом Галицким или, особенно, с Всеволодом, князем Владимиро-Суздальским? Только и славы, что князь великий Киевский. Какая душевная боль, какие терзания в сердце... Эх, брат, брат! Вот и теперь – явился без войска. Снова начнёшь хитрить, мудрить, выкручиваться. Ты всегда таким был – сызмала. Хитрунчик! Любимчик маменькин!»

Хотелось сразу спросить, что случилось, высказать, что думал, но промолчал. Любил младшего (целых пятнадцать лет разницы!) брата, любил в нём своё детство, свою молодость. Глянул в его хитроватые карие глаза – молча обнял, поцеловал в жёсткие, покрытые инеем усы и повёл в натопленные княжеские покои.

А там уже их заждались: великий князь Рюрик, сыны Святослава – Всеволод Чермный да Олег, ханы торков³⁹ Кунтувдей и Кулдюр, которые чёрными клобуками селились по Роси да Стугне и за это служили с оружием киевским князьям, воевода Андрей и воевода Роман Нездилович, боярин Славута, старый воевода Тудор.

После взаимных приветствий сели к столу. Ели, пили, говорили о том о сем, а когда насытились, Святослав отложил в сторону ложку и сказал:

– Братья, ныне собрались мы все тут, кроме князей Владимира Переяславского, Игоря Новгород-Северского, Всеволода Трубчевского да Святослава Рьльского. Они присоединятся к нам на Суле, чтобы двинуться на окаянного Кончака. Если мы не ударим по нему сегодня, то он, возгордившись, нападёт на землю Киевскую, Черниговскую и Северскую завтра. Собрали мы ныне силу немалую – так, может, и двинемся? Кто как мнит о том?

Святослав хорошо знал мысли всех, кто сидел за столом, кроме Ярослава, и ждал, что скажет именно он.

³⁹ Торки – тюркское племя, что было на службе у русских князей.

Но Ярослав молчал. Краснощёкий с мороза, спокойно смотрел на великого князя и задумчиво теребил левой рукой густую чёрную бороду. Был он не стар. Ему сорок четыре года, а рядом с отяжелевшим, совсем седым Святославом выглядел ещё моложе. Его вполне можно было принять скорее за сына Святослава, чем за младшего брата.

Тишину нарушил Рюрик:

– Что тут раздумывать? Собрались все – значит, в поход! Завтра же и выступим! – и пристукнул рукой по столу.

Это был энергичный, умный, хотя горячий и не в меру вспыльчивый князь. Рано получив киевский стол, он вёл долгую и упорную борьбу против Святослава, который всеми силами старался выгнать его из Киева. Не раз вспыхивали между ними которы⁴⁰ и лютые сечи, не раз проливалась на берегах Днепра кровь воинов. А три года назад двоюродный брат Святослава князь Игорь даже привёл с собою Кончака и Кобяка с их ордами на подмогу. Правда, всем – и Святославу, и Игорю, и Кончаку – пришлось бежать без оглядки. Половцев порубили на берегу Днепра, возле Черторья, погибли ханы Козл Сотанович и брат Кончака Елтут Атракович, два сына Кончака попали в полон. Однако полностью воспользоваться этой блестящей победой Рюрик так и не сумел. Помехой ему стали влиятельные, богатые и могущественные бояре киевские, которые начали разоряться от непрерывных кровавых межусобиц, устали от них и в то же время не хотели иметь в Киеве сильного князя, так как боялись ограничения своих прав и свобод. И поэтому лучшие, самые влиятельные мужи предложили Рюрику, настаивая, что это для блага всей Русской земли, поступиться властью и отдать Святославу Киев, а себе оставить Киевскую землю⁴¹. Рюрик поупорствовал, сколько мог, согласился и сел в Белгороде. А что ему оставалось делать? Без бояр, без воинства киевского, не имея поддержки чёрных клобуков, которые набирали всё большую силу на окраинах Киевской земли, он мог утратить все... Вот так в Киевском княжестве появились два соправителя – Святослав и Рюрик. Оба достаточно могущественные властители, ибо Святослав, кроме Киева, имел ещё обширные владения в Северной земле, а земли Рюрика простирались от Сулы на востоке и Роси на юге до Горыни и Припяти на западе и севере. Однако этот дуумвират вместе с тем и ослаблял Киевское княжество, поскольку между соправителями, хотя внешне и установился мир, единодушия не было.

Сейчас Рюрик не мог понять, почему Святослав высказался так туманно, неопределённо. Хитрит? Какой смысл? Сам же затеял поход!

– Безусловно, идти! И погромить поганых! – повторил он и обвёл всех присутствующих суровым взглядом стальных глаз.

Его сразу же поддержал хан Кунтувдей, коренастый круглоголовый торк лет сорока. Он потёр ладонью сытое, обожжённое морозом лицо, блеснул узкими чёрными глазами и спросил:

– Почему князь Святослав так спрашивает? Для чёрных клобуков хан Кончак и особенно хан Кобяк – враг... Людей убивает, скот грабит... Чёрный клобук идёт в поход на хана Кончака и ловит его на аркан!

Хан Кулдюр, щуплый, желтолицый, молча кивал. А старший сын Святослава Всеволод Чермный, прозванный так за рыжий, даже красный цвет волос и бороды, удивлённо пожал плечами:

– Кто же против похода? Разве есть у кого другие помыслы? Войско собрано, готово в путь – не распускать же его по домам!

Ярослав улыбнулся уголками губ. Какой горячий у него сыновец!⁴² И кажется, на него намекает, пускает невидимые стрелы в своего стряя? Ну что ж, он примет вызов!

– Я против, – произнёс он тихо и ещё тише, но внятно повторил: – Я против...

⁴⁰ Которы – ссоры, распри, межусобицы.

⁴¹ Киевская земля первоначально называлась Русской землёй.

⁴² Сыновец – племянник, сын брата.

Все головы враз повернулись к нему. Не слышалось ли?

Святослав стиснул зубы. Так он и знал. Хитромудрый Ярослав приехал лишь для того, чтобы снова, как бывало не раз, отколоть очередное коленце!

– Почему, брат? – спросил, едва сдерживаясь. – Ты же знаешь, что без тебя, без твоего могучего и храброго полка мы не сможем надеяться на окончательный успех... Для задуманного похода в глубину Половецкой земли нужны большие объединённые силы! Ты подведёшь всех нас!

– Ныне, братья, не ходить! – подчёркнуто сказал Ярослав. – Ну что за поход зимою? Одни муки! Снега, морозы, бескормица для коней... На носу весна. Растает – будет ещё хуже... Давайте повременим и, если даст Бог, летом пойдём. Соберём ещё большую силу, погромим половцев и загоним Кончака за Дон, аж в Обези⁴³, как когда-то Владимир Мономах загнал его отца Атрака... Осталось совсем немного ждать – март, апрель, май... Зато подготовимся как следует!.. Да и нездоровится мне сейчас.

– У нас ведь всё уже готово, княже, чего ещё ждать? Будто для нас впервой проводить зимние походы! Кончак же не ожидал весны, а напал в самые лютые морозы, в снегопады. И бескормицы не побоялся! – воскликнул Рюрик.

За столом застыла тягостная тишина. Ярослав не торопился отвечать Рюрику на его справедливые слова, скривил губы.

Святослав осуждающе покачал головой, пристально посмотрел на Ярослава... Потом тихо начал:

– Княже Ярослав, если между нами всеми не будет согласия, то ни сегодня, ни завтра не пойдём мы на половцев и не загоним их ни за Дон, ни в Обези. Все беды земли нашей – от гордыни княжеской, от того, что князья про малое «се великое» начали говорить и, имея волость, заглядываются на чужое: «Се моё и то моё тоже!» Нет, братья, так не годится! Которы да усобицы – это погибель земли нашей! Поганые видят, что меж князьями нет мира, и без страха нападают на наши сёла да города, грабят добро наше, полон берут, людей убивают...

– Брат, я не начинаю усобиц, я только говорю, что не хочу идти сейчас в поход, – сдержанно возразил Ярослав. – Не хочу мордовать ни воинов, ни себя...

– Если б только это, Ярослав, – перебил его Святослав. – Если б только это... Но опасуюсь, что причина кроется в чём-то ином... Вот только не пойму в чём... Когда умер наш отец Всеволод, то я заменил его для тебя и при этом всё время внушал, что не книжная премудрость украшает князя, а его желание служить земле своей, умение смирить свою гордыню перед старшим князем – отцом или братом, вуйком или стрьем, – занимающим великокняжеский стол. Смирение младших усиляет Русскую землю, высокомерие разрушает её. Почто рушишь братскую любовь и согласие? Мы с князем Рюриком наконец пришли к примирению, и наступил мир на Русской земле, а ты хочешь его срубить под корень. Негоже, негоже так делать, Ярослав, брат мой!

Князь Черниговский покраснел, на лбу у него выступили капельки пота. Кому-нибудь иному ответил бы резко, оскорбительно, ни от кого не потерпел бы подобных слов. Но Святославу, который в детстве действительно заменил ему рано умершего отца, не осмелился сказать дерзкого слова. Хитрить мог, лицемерить мог, а прямо, открыто сказать не смел. Потому ответил, не повышая голоса:

– Брат, всё, что ты сказал, – истинная правда. С одним только не могу согласиться – что я сею зёрна разлада меж братьями. Не идти в поход – это ещё не значит, что я начинаю усобицу. Нет, я просто не готов к походу. И войско моё не готово, и я сам плохо себя чувствую. Разве можно за такое осуждать?

⁴³ Обези, Обезские горы – Кавказские горы.

Все надолго замолчали. Опять наступила гнетущая тишина. Святослав чувствовал, что Ярослав неискренен, что причина отказа в чём-то другом, а не в недуге. Но не хотелось ему затевать на людях ссору с братом. Князь Всеволод Чермный и Олег, видя, что отец молчит, тоже не смели ничего сказать. Ханы усадили узкие глаза в стол и ничем не выявляли своих чувств. А воеводы Андрей, Роман и Тудор, придерживаясь неписаного закона, что меньшие говорят только после того, как их спросят, вообще за вечер не проронили ни слова.

Наконец вновь заговорил Рюрик. Заявление его было для всех как гром среди ясного неба.

– Если князь Ярослав не идёт, то и я тоже не пойду! Оборона Русской земли – наша общая обязанность, а не только моя или Святослава!

Кто-то крякнул. Святослав развёл руками. Не хватало, чтобы князя, ещё не выступив в поход, перессорились. Что же тогда говорить войску? Как объяснить, что одни князя идут в поле, а другие домой возвращаются? Отменить поход? Но ведь северские князя сейчас уже двигаются к Суле. Что же и они скажут, если никого там не застанут? Да и Владимир Глебович собрался и только ждёт сигнала... Ох, как всё нехорошо складывается!

– Братя, вижу, поспешил я с походом, – начал он с болью в голосе. – Не договорился загодя, не предупредил... Хотел побыстрее, чтобы до весеннего бездорожья вернуться назад... В этом моя вина. Что же нам теперь делать? Отменить поход? Но воз покатился с горы – нелегко его остановить... Потому вот что я надумал: если князя Ярослав и Рюрик не идут в поход, то и мне негоже это делать. Я тоже возвращаюсь домой... Однако войско пойдёт в поле! Вместо себя я оставляю князя Игоря, как наистаршего и наиболее умудрённого опытом. А до встречи с ним полки поведёт мой сын князь Всеволод... Цель похода та же самая – перейти Ворсклу, найти половецкие кочевья и погромить их! Желательно встретиться с самим Кончаком... Ты не перечишь, княже Рюрик?

– Нет, не перечу... Свой полк я вручаю князю Владимиру Глебовичу. А до встречи с ним поведёт его воевода Андрей.

Святослав облегчённо вздохнул. Кажется, удалось найти выход из нелепого положения, в которое завёл всех своим лукавством брат Ярослав.

– Тогда хватит разговоров. Дайте полкам наказ выступать завтра с восходом солнца!

Глава четвёртая

1

Две рати – киевская и северская – встретились в воскресенье возле Лохвицы на Суле. В полках – ни весёлых разговоров, ни смеха, ни шума, как это обычно бывает, когда заканчивается тяжёлый переход. Воины мрачно, со злостью и ненавистью к половцам смотрели на разорённое, опустошённое ими Посулье. Всё уничтожено. Все! Укреплённые городки взяты приступом и сожжены, окрестные сёла лежат безлюдные и мёртвые. Снега на многие поприща вокруг почернели от дыма и пепла. Ни человека, ни скотины нигде, лишь изредка на пустырях рычат и грызутся одичалые голодные собаки возле замёрзших трупов, да вороньё тревожно каркает, кружась в холодном сером небе.

Страшные опустошения вызвали в сердцах воинов лютую ярость, а она взывала к возмездию, торопила к встрече с ненавистным ворогом, который где-то за Ворсклой делит полон и добычу.

Особенно неистовствовал князь Владимир Глебович. Это его земля – Переяславская окраина. Недавно ещё богатая, многолюдная, теперь лежала в руинах, дышала запустением и тленьем. Было отчего впасть в бешенство! Лицо исхудало, почернело, только глаза горели неистовым огнём.

Узнав, что Святослав передал ему верховенство над объединёнными силами, Игорь тут же приказал остановиться на дневной отдых. Но в полках не стихал шум. Сильнее всех кричали переяславцы:

– Какой сейчас отдых?! Догонять Кончака!..

– Смотрите, что натворил окаянный!

– Веди, княже! Не мешкай! Аж до Дона пойдём – разорим гнёзда степных стервятников!

– Кончак дотла разорил Переяславскую окраину, и мы воздадим ему тем же – опустошим Половецкую землю! Силы у нас ныне достаточно! – кричал наравне с простыми воинами Владимир Глебович.

Его поддержали князья Всеволод Чермный, Всеволод Трубчевский, Владимир Рыльский и хан Кунтувдей.

– Вот-вот начнутся весенние оттепели – мы должны поспешать, а то ни с чем возвратимся, – сказал Всеволод Чермный.

Войско, конечно, было усталым. Да и по всем писаным и неписаным ратным законам через пять-шесть дней похода надлежало давать дневной отдых. Игорь знал это лучше, чем кто-либо другой, так как с пятнадцати лет постоянно принимал участие во многих войнах, нападениях и походах. Но знал и то, что весна не за горами, что догнать Кончака не так-то легко, если вообще возможно, что нужно торопиться, ибо каждый день дорог. И потому, услышав дружное требование войска идти дальше, не стал настаивать на своём.

– Братья и дружина! – сказал он. – Сам Бог вложил свои слова в уста ваши – так быть по сему! Отправляемся за Хорол, за Псёл, а там, если потребуется, и за Ворсклу! Найдём Кончака или других ханов и отплатим за всё, что учинили супостаты на нашей земле!

Его слова были встречены громкими возгласами одобрения. Все после короткого отдыха начали готовиться к походу.

Ещё два дня объединённая рать одолевала путь до Пслы, вечером перешла его по льду и, переночевав в долине возле леса, утром двинулась к Ворскле.

Пространство между Сулой и Ворсклой с давних времён по молчаливому согласию Руси и половцев считалось ничейным. Сюда летом ходили русские на промыслы – бить зверя, ловить

рыбу бреднями, но здесь нередко выпасали свои табуны, стада и половцы. За Ворсклой началась Половецкая земля – нужна осторожность. Игорь послал далеко вперёд сторожу – воинов-разведчиков, выставил усиленную охрану перед своим головным полком, приказал, чтобы воины дружины и все остальные разобрали оружие, которое до этого везли на санях.

На правом крыле у него шёл Всеволод Чермный с братом Олегом, серединную часть рати занимали чёрные клобуки и дружина Владимира Рыльского, позади растянулись дружины Рюрика во главе с воеводами Андреем и Романом, замыкало длинную, на несколько поприщ, походную колонну войско Владимира Глебовича.

Переяславский князь выражал крайнее недовольство этим. Не скрывали его и бояре, дружинники и воины.

– Три дня плетёмся в хвосте! Так и в деле не побываем! – бурчал боярин Шварн, что ехал по правую руку от князя.

– Игорь хитрый! Поставил свой полк в голову! Встретим половцев – он первым нахватает добычу, а нам – что с носа упадёт! – поддержал его муж Польшуй и слева покосился на князя. – Больше всех пострадала от половцев Переяславская земля, а корысть от похода получают другие! Разве справедливо это?

Подъехал тысяцкий, тучный, мрачный, борода клином. Пристроился позади князя, молча слушал разговор.

Князь заметил его, спросил:

– Что говорят воины Рюрика? Тоже рвутся вперёд, как и лучшие мужья?

– Княже, воины также думают, что про нас забыли. Князь Игорь радеет лишь про себя да о своих родичах. Был бы с нами князь Рюрик – не случилось бы такого! Святослав знал, кого поставить во главе рати – своего двоюродного брата! А мы – пасынки! Сказал бы ты ему, княже, ведь воины ропщут!..

– Поеду к нему, – заявил Владимир. – Я всё скажу ему! Рати Рюрика здесь больше, чем от Святослава!

Он пришпорил коня и помчался вперёд. После быстрой езды подъехал к Игорю раскрасневшийся, возбуждённый. Досада грызла сердце.

– Что произошло, княже? – спросил Игорь встревоженно, заметив злой огонь в голубых глазах Владимира. – Почему оставил дружину? Мы вот-вот вступим на Половецкую землю, и каждую минуту следует ожидать встречи с ворогом.

– Именно потому я и приехал к тебе, княже! – с вызовом произнёс Владимир. – Поговорить хочу.

Игорь внимательно посмотрел на него и заметил, как у Владимира от возбуждения дрожат щёки. Молодой князь ещё не умел сдерживать свои чувства, а может, и не хотел. Значит, разговор, видимо, окажется резким, неприятным. Игорь догадывался почему.

Он кивнул боярину Рагуилу, Яню и лучшему мужу Фёдору Уму, с которыми ехал рядом, чтобы те отстали. И когда остался с Владимиром один на один, спросил:

– Говори, княже, что случилось?

– Будто сам не знаешь, Игорь! Несправедливо чинишь!

– Это новость для меня. Что же не так чиню, как надобно?

– Свой полк поставил в голове, а мой позади оставил. А по праву мой должен быть впереди!

– Почему?

– Кончак на мою землю напал, мои волости сжёг, разграбил, моих людей в полон забрал! Ты сам видел, как опустошил он Посулье! И вот так почти повсюду – до самого Переяславля! Люд обеднел, стал нищим: коня нет, вола нет, семян, чтобы весной кинуть в пашню, тоже нет. Всё забрали проклятые! Вот почему мои воины ропщут на тебя! Ты лишаешь их добычи! Ведь

всем ведомо, что лучшая часть всегда достаётся тому, кто впереди! А кто приходит к разбору шапок, тот разве что блюдо оближет!

– Мы идём впереди допреж всего для того, чтобы смертельный удар нанести, отомстить Кончаку!

– Лукавишь, княже, отмстить хотим мы, переяславцы, а добычу захватить хотите вы, северяне!

– Глупости мелешь, Владимир!

– Княже! – вспыхнул Владимир Глебович и побледнел.

– Я тут старший, и мне виднее, какое войско где поставить – в голове, на правом крыле, на левом или позади...

– Оно и видно! Заботишься только о себе, княже! Не меня поставил в голове, а себя? А по какому праву? Только потому, что Святослав послал вместо себя! А если б Рюрик посылал, то наверняка меня поставил во главе войска?

– Может, и так, но тогда меня здесь не было б!

– Почему?

– Ибо не дорос ты, княже, стоять надо мною!

Оба молодые и горячие, они взъерошились, как два петуха, и глядели друг на друга злыми глазами. Кровь бросилась обоим в головы.

Владимир побледнел ещё сильнее.

– Но я дорос, чтобы стать супротив тебя, княже! Я уже стоял однажды, когда ты в союзе со своим сватом Кончаком хотел завладеть Киевом! Думаю, ты не забыл, как бросил войско на произвол и по кустам сбежал от наших мечей к Днепру, как последний трус!

Напоминание об этом позорном событии и до сих пор терзало сердце Игоря. Злонамеренное же напоминание разбередило старую рану, смуглые щёки князя вспыхнули малиновым жаром, а глаза яростно сверкнули.

– Ты зачем приехал сюда, княже? – Голос Игоря прозвучал зловеще. – Правды искать? Не будет тебе правды! В голове станешь, когда будем возвращаться домой!

– Это твоё последнее слово?

– Последнее.

– Ну, пожалеешь, княже! – воскликнул Владимир и, развернув коня, во всю прыть помчался назад.

Вскоре к Игорю прискакали ханы. Взволованный Кунтувдей, брызгая слюной, калечил слова:

– Княже, что случилось между вас? Владимир взбесился! Повернул свой полк и быстро назад пошла! Хотел, чтоб и Рюрика полк, и чёрный клубок повертати назад, но моя подумал: а что скажет киняз Игор, что скажет киняз Рюрик?! Моя спрашивай: что произошёл между вами? Владимир прилетел как бешеный, будто ос его укусил! Воеводы Андрей и Роман не знай, что делать – идти за тобой или повертай за Владимир... Их войско стоит на место. Что делать, киняже?

Хан Кулдюр поддакивал:

– Чёрный клубок тоже не знай, что делай. Ходить за тобой, княже, или назад?

Игорь оторопел. Никак не ожидал такого поворота событий.

– Как – повернул назад? Да как он посмел?

– Я не знай. Моя уговаривал – и слушать не хотел, – пожал плечами Кунтувдей, угрюмо глядя на Игоря. – Ты обижай Владимира, киняже? Ай-ай-ай!

– Подумаешь – обидел! Не мальчишка же! Да и не на прогулку мы вышли, а на войну!

– Что делать, княже? – снова спросил Кулдюр. – Скажи, может, князей созвать, советовать?

Положение действительно сложилось так, что сам Игорь не знал, как поступить: остановиться, идти вперёд или повернуть назад? Он с досадой потёр лоб и подозвал тысяцкого:

– Рагуил, останови рать и сторожу. Объяви дневной отдых. Пошли гонцов, чтобы князя прибыли ко мне, – я буду в полку Рюрика. И не мешкай!

Всю сложность и серьёзность положения Игорь оценил лишь тогда, когда прискакал вместе с князьями Олегом, Святославом Рыльским и ханами в полк Рюрика. Там стоял глухой гомон, воины открыто роптали на князей, проявляли недовольство Игорем, требовали от воевод команды возвращаться назад.

– Князь Игорь оскорбил Владимира!

– И всю землю Киевскую!

– Не будем подчиняться Ольговичам! Князь Рюрик не потерпел бы такого отношения к себе! Владимир правильно поступил!

– Возвращаемся в Киев! Пускай Игорь сам воюет!

Воеводы Андрей и Роман Нездилович от этих криков втягивали головы в плечи, растерянно поглядывали друг на друга. Приезд Игоря ещё больше возмутил войско. Шум, гомон не стихал. Передние молчали, зато из задних рядов неслись крики, угрозы:

– Домой! Хотим только с князем Рюриком идти в поход!

– Игорь зло чинит!

– Зазнался!

Прискакали князья с правого и с левого крыла – Всеволод Святославич, Всеволод Чермный, а также юный Владимир Игоревич.

Все были встревожены.

– Что случилось, Игорь?

Игорь откровенно рассказал о своей стычке с Владимиром Переяславским и о том, что князь развернул свою рать и пошёл домой.

– А полк князя Рюрика встревожен его бегством и тоже хочет уходить, – закончил он совсем тихо и, подняв на князей глаза, спросил упавшим голосом: – Что делать будем, братья?

Никто на его слова не откликнулся. Конечно, Владимир поступил бесчестно, но и Игорь повёл себя не лучше. Так пускай сам и решает, как дальше быть.

– Мы задумали большой поход вглубь земли Половецкой, а теперь силы наши уменьшились, – снова начал Игорь, обеспокоенный тем, что и князья молчат. – К тому же думаю, что нужно отправить домой и киевский полк, чтобы смуту не множил. Значит, силы ещё уменьшатся. Поэтому идти вглубь Половецкой земли не с кем. Поездим тут поблизости, может, набредём на какую-нибудь орду...

– Киевский полк без князя отправлять не следует, – сказал Всеволод Чермный. – В дороге всё может случиться.

– Андрей и Роман опытные воеводы. Доведут!

– Нет, Игорь, послушайся Всеволода, – вмешался брат Всеволод Святославич. – Своё войско можешь доверять кому хочешь, а это – чужое! Нужно князя...

– А как чёрные клобуки? – спросил Святослав Рыльский. – Они тоже возвращаются или остаются с нами?

– Моя остаётся с вами, – ответил Кунтувдей. – Хан Кулдюр тоже. Половцы набегай на Рось, грабуй наши села, забирай наш скотину, наш отар... Чёрный клобук мирный люди, половец – злой люди!.. Грабит, убивает... Моя будет воевать половец!..

– Благодарю, хан, я дам наказ – чёрным клобукам ехать впереди. Поедешь со своими воинами в сторожу, – сказал Игорь. – А киевский полк, чтобы целым довести до дома, поведут князья Олег и Святослав – сыновец мой!..

– Стрый! – воскликнул князь Рыльский. – Мне хотелось бы побывать в деле!

– Ещё успеешь, княже! У тебя всё впереди! – строго ответил Игорь, а потом, обняв молодого князя за плечи, мягко добавил: – Так нужно, сынонец... Довести полк целым до Белгорода и вручить его великому князю важнее, чем погоняться за половецкими вежами... Выступайте сразу же!

Киевский полк отправился в обратный путь.

Мрачные это были минуты. В хмуром молчании полк Рюрика повернул, как говорится, оглобли назад и тронулся на запад. Князя, бояре, воеводы, ханы Кунтувдей и Кулдюр, а также воины ближайших стягов долго и молча смотрели ему вслед, пока последние всадники не скрылись за горою.

У всех было тяжело на душе. Каждый понимал, какое несчастье постигло их рать. Находясь на границе Половецкой земли, из-за княжеских распрей лишиться почти половины войска – что может быть горше? Все старались не встречаться взглядом с Игорем, чтобы он не заметил осуждения в глазах, а сам Игорь клял в мыслях и князя Владимира Глебовича, и себя за горячность, за поспешность, за неуступчивость, а великого князя Святослава за то, что послал его в этот несчастный поход да ещё и вручил ему верховенство над объединённой ратью.

Наконец молчание нарушил Кунтувдей:

– Нечего стоять! Моя выступай в сторожу...

– Хорошо, хан, поезжай, – согласился Игорь. – Но теперь изменим направление – поедем к речке Хирии... Туда в лютые зимы, при бескормице, половцы всегда пригоняют свои стада и табуны. Может, мы их там и застукаем...

2

Конные разъезды Кунтувдея оторвались от головного полка вёрст на десять, веером рассыпались по широкому терновнику. Последние два дня шёл тёплый весенний дождь, снег стал рыхлым, серо-жёлтым, лёд на речках потемнел, в долинах и оврагах зажурчали ручьи, а на лугах по колено коням стояла вода.

Хан уже хотел поворачивать назад, но тут к нему примчался на взмыленном коне десятник Аяп. Скинул с круглой лысой головы заячий малахай, поклонился и доложил:

– Великий хан, половцы!

– Где?

– За горой. В долине их кочевье, стоят вежи и табуны бродят... Нас не заметили.

– Много их?

– Может, три сотни веж, а может, и пять.

– Где твои люди? Они не вспугнут ненароком половецкую сторожу?

– Нет. Я приказал отойти и затаиться в овраге... Там за старшего остался мой сын Кун, он хотя и молод, но хитрый, уже опытный воин, не подведёт!

– Хорошо, Аяп, езжай к своему десятку и зорко следи. Если посчастливится, получишь двойную добычу... Да скажи сотнику Аббазу, чтобы поставил в засаду сотню.

– Благодарю тебя, хан, – расплылся в радостной улыбке десятник. – Посчастливится нам, посчастливится!

Кунтувдей сразу же послал гонцов к стороже, чтобы дальше не шла и не спугнула половцев, а к Игорю – чтобы быстрее подтягивалась основная рать.

Оставив под надёжной охраной обоз, Игорь велел дружинникам и воинам пересечь на свежих запасных коней и быстро повёл их к речке Хирии. Он обрадовался, что предчувствие его не обмануло. Большая орда или малая встретилась – это не важно. Скорее всего, что небольшая. Но если её погромить, взять полон, то слава разойдётся по всей Русской земле, а в Половецкой будет плач и стон великий. И Кончак поймёт, что это расплата за его нападение на Дмитров.

Русская рать растянулась по челу⁴⁴ на несколько поприщ. Игорь решил окружить половцев со всех сторон и прижать их к реке.

Атаку начал Кунтувдей. Его сотни вместе с полком князя Всеволода внезапно появились на холмах, что высились вдоль речной долины, и с гиком и свистом помчались вниз, где чернели половецкие вежи.

В долине послышались отчаянные крики. Вопили женщины, верещали дети. Мужчины торопливо запрягали коней, другие прыгали в сёдла и выстраивались боевым строем, чтобы взять в сабли неожиданных нападающих.

Но когда вслед за чёрными клубуками и дружиной трубчевцев и курян на холмах показались дружины Игоря, Святослава, Владимира и Всеволода Чермного, половцы поняли, что единственное их спасение – в бегстве. Кто успел запрячь коней, те погнали их напрямую через речку, несмотря на то что лёд уже покрылся водой. Другие суетились, торопились, но, так и не успев запрячь, бросали на произвол всё: вежи, коней, скотину, одежду, брали на руки малых детей и бежали кто куда. А отряд всадников, оголив сабли, галопом помчался вдоль берега на юг, надеясь прорвать правое крыло росичей.

Игорь остановился с сотней охраны на большом пригорке. Отсюда было хорошо видно всё половецкое кочевье. Воины Кунтувдея и Всеволода Трубчевского уже догнали беглецов, рубили их мечами, кололи копьями.

⁴⁴ По челу – здесь: по фронту.

Вопли и гвалт зависли над долиной. Многие вежи, что первыми помчались через реку, проваливались. Лишь немногим удалось выбраться на берег. Запряжённые кони испуганно и с болью ржали, барахтаясь в тёмной холодной воде, копытами ломали лёд, топили людей и сами тонули.

Кое-где по берегу вспыхивали кровавые стычки, но быстро гасли: половцев было значительно меньше, и чёрные клобуки вырубали всех, кто оказывал сопротивление. Давняя родовая ненависть пылала здесь с особой силой.

Русичи сдерживали руку: полон нужен живой, а не мёртвый. За него можно выменять не одну сотню русских бранцев-пленников.

Видя, как лютуют чёрные клобуки, Игорь подозвал Ждана:

– Мчись к Кунтувдею и Кулдюру, скажи, чтоб прекратили побоище! Пусть лучше глянут вправо – там для них, кажись, есть дело. Две или три сотни половецких всадников вот-вот вырвутся из мешка!

Ждан пришпорил коня и стрелой помчался в долину.

3

Десятник Аяп с сыном Куном, сидя в сёдлах, неотрывно следил из-за деревьев, как внизу, у основания холма и по затопленному водой луку, в отчаянии мечутся, ища спасения, детские, женские и мужские фигуры.

Их сотня стоит на горе, в небольшой роще, в засаде, и ждёт знака сотника Аббаза. Сотник, пригнувшись, сидит на коне впереди всех. Его цепкий взгляд окидывает всю долину сразу. Что на каждый момент там происходит? Пора уже вводить сотню в дело или нет?

Ничто особенно не привлекает его внимания: ни те вежи, каким посчастливилось перебраться на ту сторону речки, ни те, что застряли среди проломленного льда, ни разрозненные группы половцев, продолжающих оказывать сопротивление, ни женщины с детьми, которых русские воины тянут в полон, ни даже табуны коней и стада скотины, что разбредаются во все стороны... Привлекает его внимание лишь значительный отряд всадников, что, избежав боя с превосходящими силами чёрных клобуков, скачет по берегу на юг.

Их замечает и Аяп:

– Ого, сколько их хлынуло! Многовато для нашей сотни!

Сотник Аббаз, не поворачивая головы, ответил на это:

– Много или нет, а ударить мы должны! Иначе хан снесёт нам головы! – и, выхватив саблю, резко крикнул: – Вперёд! За мной!

Сотня перевалила через гребень холма и, набирая скорость, понеслась по склону наперерез половцам.

Свистел рассекаемый саблями воздух, гудела земля, хрипели кони, натужно кричали и улюлюкали воины. Аяп всю жизнь сидел в седле, прекрасно владел саблей и давно привык ко всему этому. Но сегодня он вдруг почувствовал, как холодная волна прокатилась по сердцу и опустилась в ноги. С чего бы это? За себя Аяп не боялся. Прожил на свете уже пятьдесят лет! Редко кому выпадает такое счастье. Боялся за Куна, своего младшего. Двое старших уже сложили головы в боях с такими же половцами. Неужели такая судьба ждёт и младшего? Неужели именно здесь?

Он скосил глаза на сына. Кун не видит отца, смотрит прямо вперёд. Какой же он красивый! Чистое матовое лицо покраснелось и пышет здоровьем, брови чёрные, зубы – как снег... «Боже! – молится в мыслях Аяп. – Если тебе нужно взять кого-то из моей семьи, то возьми меня!»

Оба вражеских отряда столкнулись на полном скаку. Закрутилось, завихрилось перед глазами старого Аяпа быстротечное кровавое побоище. Крики воинов, ржание коней, топот копыт, звон сабель, хрипы и проклятья раненых и умирающих... Не успел он опомниться, как увидел, что многие его сородичи, обливая горячей кровью притоптанный весенний снег, лежат на земле, а его сына два половца на арканах тянут за собой. И чтобы не упасть из седла, Кун прищипоривает своего коня и мчится рядом с ними в поле... Отчаяние перехватило горло Аяпа. Знал он, как половцы жестоко расправляются с полонёнными торками, берендеями и чёрными клобуками, которые изменили степной вольнице и ради спокойной и сытой жизни поддались русским князьям. «Как же они станут издеваться над Куном!.. Бедный мой мальчик!» – думает Аяп и рвёт повод, бьёт плашмя саблей по крупу коня и мчится вслед за сыном, чтобы отбить его, выволить. Не смотрит, что делается у него за спиной, всё ему теперь нипочём. Одна мысль ведёт его – догнать Куна, отбить или самому погибнуть!

Оглянись он тогда, то увидел бы, что половцы смяли сотню Аббаза и мчатся следом за ним. Догоняют его. Но он это понял лишь тогда, когда вдруг очутился между половецкими конями и чьи-то сильные руки подхватили его под локти, вывернули правую руку так, что

сабля выскочила из неё на снег, когда туловище его обвил крепкий аркан. Понял и ужаснулся:
«Пропали мы с Куном оба навеки!»

Он хотел оглянуться, чтобы увидеть, далеко ли свои, но тут его стукнули копьём по голове:

– Не вертись, собака!

4

Остатки разбитых родов хана Туглия бежали с Хирии до верховьев Орели. В вежах стоял крик и плач: не найти в них ни одной семьи, где не было бы больших или малых утрат. Суровые, почернелые от горя воины зло поглядывали на Аяпа и Куна. Была бы их воля – давно бы растерзали этих предательских псов, что переметнулись на службу к киевскому князю! Но хан Туглий запретил убивать их. Везёт в подарок самому Кончаку.

Он зол на всех: на себя – за то, что неосмотрительно отстал от Кончака и остался дозимовать на урусском пограничье, больше-де подножного корма для скотины и коней; на урусов и чёрных клобуков; на погоду и болезни, что начали в последнее время донимать его немолодое тело. Его большая ошибка – в том, что он стал кошом⁴⁵ близко к земле урусов, – привела к потере старшей жены и зятя. И это бы ещё ничего по сравнению с другими: его кибиткам посчастливилось перескочить Хирию, и почти вся многочисленная семья спаслась. Но род... род!.. Какие страшные утраты он понёс! Сколько людей погибло, а сколько в полон попало!.. Что он скажет Кончаку?

Туглий медленно бредёт к своей халабуде и представляет, как станет ругать его великий хан, как будет издеваться над ним. Хорошо хоть, двух полонённых схватили – пусть Кончак потешится: это же не урусы, которых у самого хана достаточно, а родовичи-степняки!.. С них Кончак любит с живых кожу сдирать!..

Хан отклоняет кожаный, подшитый войлоком полог юрты, которая занимает весь настил длинных и широких саней, и влезает в её тёмное и тёплое нутро. Эту ночь можно поспать под боком у младшей жены – красивой и своенравной полонянки – уруски Насти. Эту ночь можно поспать, так как все беды и все напасти, кажется, остались на берегах несчастливой для него реки Хирии. Ускакали от неё далеко, и нет причин подниматься затемно, чтобы стремглав бежать дальше.

Он ложится на мягкое ложе, вымощенное урусскими подушками, укрывается кожухом и протягивает руку, чтобы обнять жену. Но та брезгливо отталкивает её плечом и сбрасывает с себя.

– Отстань! Не лезь! – бурчит недовольно. – Напустил холода в юрту, да и сам холодный, как жаба! Спи себе и мне не мешай спать. Уже три ночи не смыкала глаз!..

Туглий обиженно отодвигается. Клятая уруска! Чего только не позволяет себе! Кричит, будто он не хан, а какой-то урусский смерд! Вот взять бы камчу⁴⁶ да отстегать хорошенько, чтоб не распускала язык... Чтоб не привередничала... Но он тут же прогнал эти мысли, зная, что не поднимется у него рука на Настю, капризную, но молодую и красивую, как молодой степной цветок, полонянку. Ведь это, может, последняя его утеха в жизни. На что ещё можно надеяться, когда тебя буйногривые кони пронесли через целых пятьдесят лет? Ой, не долго ещё им носить его по степи, не долго!..

Ему не спится. Мысли снуют и снуют без конца, как осенняя морось. Перед глазами мелькают лица многих людей – и мёртвых, и ещё живых; проплывают картины былых походов и боёв, в которых он был не только сторонним наблюдателем; всплывают картины родных степных просторов, где проходила его жизнь. Потом появляется и долго стоит перед глазами лицо хана Кончака – властное, хитрое и жестокое. Туглий никак не может избавиться от него в своём воображении. Кончак смотрит ему в глаза, хмурит брови, словно укоряет или угрожает, а потом хитро подмигивает и беззвучно смеётся... «Тьфу, привязался клятый!» – думает хан Туглий и переворачивается на другой бок.

⁴⁵ Кош – военный лагерь, обоз, место расположения кочевников.

⁴⁶ Камча – нагайка, плеть, кнут.

Ему становится тепло, Кончак наконец исчезает, и крепкий сон смежает тяжёлые веки хана.

Проснулся он оттого, что Настя трясла его за плечо.

– Что? Что такое?

– Вставай, хан. Уже день на дворе. Кончак прибыл!

Туглий сразу вскочил. Сон как ветром сдуло. Настя одета по-праздничному.

– Кончак? Откуда?

– Он похитрее тебя... Возвращался другим путём...

Туглий быстро оделся, поднял полог. В глаза ударили яркие лучи весеннего солнца. Это впервые за много дней небо очистилось от туч и над степью повеяло настоящей весной.

Кто-то услужливо поднёс казанок тёплой воды, пахнувшей дымом костра. Хан плеснул несколько пригоршней себе в лицо. Настя, румяная, с русыми косами, подала рушник, чтобы вытереться.

– Почему раньше не разбудила?

– А зачем? Люди устали, им отдых нужен. Ты тоже утомился, старенький мой. И спал так сладко!..

– Но Кончак...

– Он только что прибыл... Ночевал с войском и с полоном за горой, в соседней долине. А утром его сторожа наткнулась на нас... Вот и приехал навестить... Да вот и он сам!

Между юртами ехали несколько всадников. В переднем ещё издали Туглий узнал великого хана, кинулся навстречу.

Кончак легко соскочил с коня, нагнулся – он был на целую голову выше Туглия – и, обняв его, похлопал широкой, как весло, ладонью по спине.

– Слышал, слышал про твою беду... Сам виноват, что отделился от меня... Князья думали, что с Дмитрова пойду вдоль Сулы вниз до Днепра, а оттуда – на Орель и на Тор. Там меня и искали – возле Лохвицы или возле Лубна. А я, не будь прост, двинулся прямо на восход солнца, обошёл верховья Хорола, миновал все возможные пути урусских дружин и лишь за Ворсклой повернул на юг. Шёл я перегруженный добычей, медленно, зато, как видишь, безопасно. Полон не счесть! Каждому воину досталось...

Туглий поморщился, всхлипнул.

– Тебе можно радоваться, хан... А мне?... Ты набрал полон, а моих родовичей побрали в полон урусские князья да мерзкие чёрные клобуки. И что мне теперь делать? Людей потерял, полон и добычу тоже...

Кончак подмигнул Насте.

– Если отдашь мне, старый, молодую жену, то я тебе выделю несколько сотен полонённых, чтобы ты обменял их на своих.

Туглий встопорщил редкие усы, заморгал.

– Шутишь, хан? – и окрысился на Настю и всех, кто стоял поблизости: – А ну-ка, прочь отсюда!

– Ха-ха-ха! Испугался? Береги получше свою жёнку, а не то украду!.. Ну-ну, не хмурься.

Пошутил я... Таких красавиц веду ныне не одну – на всех ханов хватит! Пай-пай!

Туглий повеселел.

– Ты и вправду дашь полонённых на обмен?

– Да... Должны же мы выручать друг друга!

– Благодарю, хан... А у меня для тебя тоже есть подарок.

– Какой?

Туглий хлопнул в ладони, приказал привести полонённых.

– Вот тебе для забавы! – поставил перед Кончаком Аяпа и Куна. – Чёрные клубуки! Изменники! Отец и сын... Делай с ними что хочешь – повесь, четвергуй, утопи или на огне сожги! Никакая казнь не будет для них достаточной.

Кончак уставился на полонённых суровым взглядом. Долго смотрел молча.

– Сколько у тебя сынов, старик? – спросил наконец Аяпа.

– Один, великий хан, всего один остался. Куном зовут, – поклонился тот. – Другие погибли...

– Всего один, говоришь... А теперь и этого лишишься!.. Слыхал, что хан Туглий сказал? Он отдаёт вас обоих мне, чтобы я придумал кару, стоящую вашей вины...

Аяп рухнул на колени, охватил руками ноги Кончака:

– Карай меня, хан! Дурного Аяпа, а сына не трогай... В чём он провинился? Он родился и вырос на берегу Роси, там его родина... А я родился в степи, я перешёл жить под власть киевского князя... Я... меня карай!

– Оба вы изменники! И оба заслужили самую лютую смерть! – закричал Кончак, а потом вдруг сбавил тон: – Но я могу пощадить вас обоих...

– Обоих? – прошептал Аяп, не опомнившись ещё от страшных угроз.

Он выпустил ноги Кончака и, всё ещё стоя в мокром снегу на коленях, поднял глаза вверх. В них затеплилась слабенькая искорка надежды.

Кончак пристально смотрел в его тёмные зрачки и думал: «Этот ради сына пойдёт на всё». И повернулся к Туглию:

– Оставь нас, хан, одних. Я хочу поговорить с ними наедине. А ты тем временем приготовь верхового коня, оружие для всадника да торбину с харчами в далёкую дорогу...

– Слушаюсь, хан. – Не спрашивая, для чего всё это нужно, Туглий молча направился к своей веже, где его ожидали родовичи.

Кончак приказал Аяпу подняться, а потом, после долгого молчания, заговорил:

– Вы оба заслужили самые страшные муки. Вы изменили нашим степным обычаям, служили киевским князьям, убивали родовичей хана Туглия! За это вас сразу же стоило распять на урусских крестах!.. Но у вас есть одна-единственная возможность остаться в живых...

Аяп облизнул пересохшие губы.

– Какая, великий хан?

– Если вы оба будете служить мне!

– Как именно?

– Тебя, Аяп, я сразу отпущу – и ты поедешь домой, в Торческ... Там ты станешь моими ушами и глазами! Понял?

– Не совсем, хан.

– Ты будешь вынюхивать, как пёс, возле хана Кунтувдея всё, что может меня интересовать, и прежде всего – когда, куда и какими силами киевские князья будут готовить поход. К тебе тайно приедет мой посланец, он покажет тебе вот такую тамгу, – Кончак достал из кармана кружок кожи с изображением на нём собачьей головы между двумя перекрещенными стрелами, – расскажет тебе про сына Куна, а ты ему поведаешь всё, что до того времени выведает...

– А мой сын?

– Кун останется заложником. И если ты предашь, я прикажу с него, живого, содрать кожу...

– О боги! Клянусь, хан, я буду верным тебе, как пёс! – воскликнул Аяп.

– Отслужишь верно три года – я его отпущу... Но помни: жизнь твоего сына отныне в твоих делах!

– Можешь верить мне, великий хан! – горячо заверил Аяп. – Прошу только одно...

– Ну?

– Знаю, Куну будет нелегко, остаётся он в неволе, и стеречь его будут старательней, чем других бранцев⁴⁷. Только бы кормили его как следует... А я уж постараюсь!

– Ты разумный, Аяп, – сказал Кончак и обратился к Куну: – А что скажешь ты, парень? Хотя, что бы ты ни сказал, это дела не изменит. Тебя и вправду стеречь станут строго...

Кончак прекратил разговор. К ним приближался хан Туглий, а позади него конюший вёл в поводу приготовленного в дорогу коня.

⁴⁷ Бранец – пленённый.

5

За Сулой войско разделилось надвое: Всеволод Чермный и чёрные клобуки направились к Киеву, а Игорь с братом Всеволодом повернул на север, в Северскую землю.

Дорога стала полегче: снова ударил мороз и ледяным панцирем сковал реки и талые воды в степи. Однако Игорь не торопился, поскольку вёл с собою большой полон и вызволенных бранцев.

За Ромном к нему подвели трёх смердов-севрюков. Те с плачем бросились перед ним на колени:

– Княже Игорь! Княже Игорь!

– Погодите, не все сразу... Откуда вы? Что случилось?

Вперёд выступил старший, затряс густой взлохмаченной бородой, глухо заговорил:

– Княже, беда!.. На Путивльскую землю напал с войском переяславский Владимир...

– Как напал? Что ты говоришь? – Игорь побледнел. – Когда? Где он сейчас?

– Пограбил сёла и городки, забрал скотину, зерно, вывел немало людей и пошёл в свою Переяславщину...

– А Путивль? Что с Путивлем?

– Путивль обошёл. Побоялся, видать, задержаться под ним – хотя отряд там и не велик, зато валы высокие и ворота крепкие – взять нелегко...

– Проклятье! – воскликнул Игорь. – Так вот почему он откололся от нас и поспешил назад! Захотел, значит, отомстить мне! Не смог на половцев напасть, так Северскую землю погромил... Проклятый!

Князь Всеволод насупился – не знал, как ему быть. Владимир – его близкий родич, брат жены, княгини Ольги. Как же у него поднялась рука на Северскую землю, на волость Игоря, на Олеговичей?

Юный Владимир Игоревич побледнел. Губы его дрожали, на глазах выступили слёзы. Едва успел получить княжество, как его разграбили. И кто? Не половцы, а русский князь, такой же Рюрикович, как и все они!

Но больше всех разъярился Игорь. В душе он чувствовал, что и сам виноват в том, что случилось. Разрешил бы Владимиру с его полком идти впереди – и ничего этого не было бы. Переяславцы погромили бы хана Туглия, захватили бы полон, табуны да узорочье половецкое и теперь, спокойные и довольные, возвращались домой. А так... И всё же злость и обида на Владимира брала верх надо всем. Мало ли что кому хочется? В походе есть старший – и его должны слушаться все! Ныне верховенство в походе принадлежало ему, а не Владимиру. Как же Глебович мог послушаться его и тем более напасть на его волость? За что? Нет, он этого так не оставит! Не потерпит обиды и позора! Отомстит! Огнём и мечом пройдёт по Переяславской земле, чтобы знал этот юнец, как заирать Игоря Северского, как обижать Ольговичей! Они никому никогда обид не прощали!

Сердце его бешено колотилось.

– Что будем делать, братья? – спросил побледневшими губами. – Как покараем наглеца? Все молчали. Решать должен он. Он здесь старший.

– Идём на Переяславль! – воскликнул Игорь. – Я не прощу Мономаховичу такого коварного нападения! Я покажу ему, как трогать северских князей, как начинать борьбу с Ольговичами! Я возьму приступом Переяславль и разорю его дотла!.. Всеволод, ты пойдёшь со мною?

Тот угрюмо уставился взглядом в землю, нахмурил густые чёрные брови, выдвинул тяжёлый подбородок. Его крупное, твёрдое, словно вытесанное из дуба лицо сейчас явно выражало растерянность. Как это ему идти против князя Переяславского? Родного брата своей жены, княгини Ольги? Против шурина?

– Игорь, как же я могу? Ну, сам подумай! – Он беспомощно развёл руками. – Не прошло и пяти лет, как я женился на Ольге, его сестре...

Игорь усмехнулся... Всеволод и сейчас остался верен себе – честный, добрый, прямой. Не тронешь его – будет покладистый, как ребёнок. А зацепи – разъярится, как дикий тур, его тогда не остановишь.

Игоря охватила досада, что Всеволод отказывается от похода на Переяславль. Но он очень любил младшего брата и не захотел даже сейчас огорчить его. Потом сказал:

– Ну, как хочешь. Не иди... Забирай полон и направляйся домой, а мы с Владимиром, сыном, повернём на Переяславль. Прочим зазнавшегося Мономаховича!

Игорь тут же приказал поднимать войско и выступать в путь.

– Ждан, коня мне!..

Три дня и три ночи Игорь неистовствовал. Не зная сам покоя, не давал его и другим – гнал рать вперёд и вперёд. Быстрей! Быстрей! Словно его опаляло огнём, словно боялся, что Владимир Глебович сбежит под защиту Рюрика или ещё дальше – во Владимиро-Суздальскую землю, под крыло своего могущественного дядьки Всеволода.

Ему так хотелось встретиться со своим обидчиком с глазу на глаз. В поединке! И Бог свидетель, не сдержал бы он руки! О нет, не сдержал бы!

Сначала думал было разорить все сёла и города Владимира, забрать людей, добро... Но не встретил ни одного села, ни одного городка, где можно было мстью облегчить душу – после половецких наездов вся восточная часть Переяславщины лежала в руинах и пепелищах.

Игорь задумался: куда идти? На Переяславль? Сгоряча решил осадить и штурмовать столицу Владимира. Но здравый смысл подсказывал, что осада может затянуться на много дней и недель, настанет весна, бездорожье, бескормица... Так и поражение можно потерпеть. Тогда повернул на Глебов, небольшой молодой город, заложенный отцом Владимира – князем Глебом, сыном Юрия Долгорукого.

6

Ждан выехал из леса следом за князем, ведя в поводу запасного коня. Глянул – и сердце замерло. Это же Глебов! А там жилище деда Живосила, там и Любава...

Игорь остановился неподалёку от города, поднялся на стременах и мечом указал вперёд:
– Дружина моя! Воины! Вот перед вами Глебов – вотчина Владимира, вашего обидчика! Возьмите его! Не жалейте никого – ни мужчин, ни женщин, ни детей! Все, что там добудете, ваше! Вперёд – и пусть дрожит и плачет князь Переяславский!

Грозный боевой клич донёсся в ответ на эти слова:

– Вперёд, северяне! За князя!

И в следующий миг задрожала и застонала под копытами коней земля. С гиком, свистом, криками двинулись на Глебов сотни Игоря, охватывая полукругом притихший посад.

На деревянной церковке вдруг гулко забил в набат колокол, заметались по дворам и по улицам люди, безысходным отчаянием взвился в небо детский визг и душераздирающие крики женщин. Напавшие промчались к крепости и, пока стража не пришла в себя, ворвались в ворота, как вихрь. Падали в снег, под ноги коней, немногочисленные защитники города, они никак не ждали нападения, а за ними начали падать, как скошенная трава, и мирные жители.

Захваченный могучей лавиной, Ждан невольно оказался на одной из улиц. Что тут творилось! Северяне набрасывались на глебовцев, как на своих злейших врагов, топтали конями, рубили мечами, кололи копьями, вязали арканами. Ни детский плач, ни женские мольбы, ни мужские проклятья не останавливали их.

А что же станет с Любавой? Что с дедусем Живосилом? Ведь смертельная опасность им угрожает!

Ждан с трудом выбрался из полыхающего пекла и стремглав помчался к околице посада. Вот и знакомая хатка. Возле двора пара осёдланных коней. Значит, северяне добрались и сюда! Тяжкое предчувствие сжало сердце юноши. Неужели опоздал? Накинул на забор поводья коней – своего и княжеского запасного, птицей слетел с седла, распахнул ногой калитку.

Вбежал во двор – и ужаснулся: поперёк протоптанной в снегу тропинки лежал навзничь дед Живосил. Из его рассечённой головы тонкой струйкой стекала кровь. Лёгкий ветерок ерошил седую бороду, а худая жилистая рука сжимала топор, которым старик, видимо, оборонялся. Над ним склонился лучник из младшей дружины и стягивал с мёртвого сапоги.

Не помня себя, Ждан вырвал из ножен меч и плашмя огрел грабителя по крестцу, тот застонал и свалился, пропахав носом снег.

– Мерзавец, я прибью тебя!

Тот, вскочив, схватился и сам за меч, но, узнав княжеского конюшего, взмолился:

– Не убивай меня! Не убивай! Князь же сам дозволил... Да и отпор чинил старик... Если б молчал, не тронул бы я его...

Но тут вдруг из хатки донёсся отчаянный девичий крик. Любава! Ей тоже угрожает опасность! Ждан опрометью вскочил в распахнутые двери. По хате летал белый гусиный пух, а среди него, как в метелице, виднелась невысокая, но коренастая фигура ещё одного грабителя, тот острием меча тычет в угол, где, закрываясь подушкой и отбиваясь рогачом, забилась Любава.

– Оставь дивчину! Прочь отсюда! – рванул его за плечо Ждан.

Низкорослый остроносый лучник ошалело вытарашился на неожиданного противника. Видел, что свой, но не узнал.

– Ты кто? Не мешай! Эта девка моя!

Сильный удар в лицо оглушил его. Но и разозлил. Он отступил от Любавы, видя перед собой далеко не безопасного противника.

– Ты что, не сдурел, часом? Или жить надоело? Выходи на двор – там поговорим, а тут и мечом не замахнуться!

Второй, ещё более сильный удар откинул его в сени. Там он налетел на лестницу, свалил на себя полку с мисками и горшками и, ругаясь, проклиная незнакомца, выскочил во двор и поднял меч.

– Ну, выходи! Тут я тебя и порешу!

Но к нему подбежал его товарищ и потащил со двора:

– Тикаем, Степура! Ты знаешь, с кем дело имеешь? С княжим конюшим! Дознается князь – беда будет! Будь он неладен! Лучше не связываться!

– Да он же меня первый ни за что ударил, Гаврилка! И ещё как! За какую-то девку! Я ему этого не прощу! – вопил обозлённый Степура.

Но более сообразительный Гаврилка вытащил его на улицу, принудил сесть на коня, и они мгновенно скрылись в кривых закоулках.

А Ждан бросился к Любаве. Но девушка его не узнала и, подняв перед собою окровавленные руки, закричала:

– Не подходи! Не трогай меня!

Ждан остановился.

– Любава! Любавонька! Ты ранена? Ты не узнала меня? Я Ждан... Помнишь?

Любава замолчала, внимательно посмотрела на своего вызволителя. В её расширенных от боли и ужаса глазах вдруг что-то дрогнуло, из них потекли слёзы, лицо разгладилось, просветлело, и она с криком бросилась из своего угла к Ждану.

– Жданко! Неужто это ты?... Откуда?... Ты спас меня от этих нелюдей... Что ж это делается, Жданко?... Свои рубят! Как дикие звери... Дедусю зарубили... А-а-а!..

Она покачнулась и тяжело осела на пол. Левый рукав сорочки потемнел, набух от крови.

Ждан перенёс её на лавку, куском полотна, что висело на жердине, перевязал рану, брызнул холодной водой на лицо. Любава открыла глаза и, не совсем понимая, что с нею, долго лежала неподвижно. Ждан тоже молча смотрел на неё. Перед ним теперь возник вопрос: а что же дальше? Куда податься с раненой девушкой? Кто им поможет? Кто вылечит? Где найти знахаря или знахарку, чтобы остановить и заговорить кровь? Сначала, когда мчался к этой хатке над лугом и когда расправлялся с грабителями, главное было – спасти. Вот теперь спас. А дальше? Оставить в Глеbove? Взять с собой? Ни то ни другое не возможно. Если б не ранили её...

Он понимал, что тяжёлый переход с войском до Новгорода-Северского Любава не выдержит. В Глеbove оставить её не на кого, да и опасно. Отвезти в Переяславль? Но как на него – конюшего Игоря – посмотрит князь Владимир? Да и кто даст ему с Любовой приют?...

В Киев? До Киева недалеко. За ночь можно доехать. А там Самуил, боярин Славута. Это единственные люди, к которым он может обратиться за помощью. Значит, только в Киев! А что скажет князь Игорь? Как он отнесётся к его поступку? Да и коня княжеского придётся взять. Чтоб было на чём ехать Любаве.

И всё же единственный путь – в Киев! И пускай Игорь думает о нём как хочет!..

– Что со мной, Жданко? – спросила Любава, поднимая голову.

Ждан помог ей подняться.

– Ты ранена! Тот мерзавец зацепил тебя мечом!..

– Что же мне делать? Дедушки нету, я ранена... Куда же мне деваться, Жданко?

– Не печалуйся, я тебя не покину. Мы сейчас поедem отсюда... В Киев.

– В Киев?

– Там у меня есть люди добрые. Они нам помогут... Сможешь ты ехать на коне? Рука сильно болит?

– Болит... Но ехать нужно?

– Нужно, моя милая... Иначе – гибель!.. И ехать поскорее! Чтобы не вернулись эти тати да не застали нас здесь!

– Тогда подай мне кожух и платок – я оденусь. Да в посуднике хлеба возьми в дорогу... Ждан помог ей надеть кожух, повязал платок, себе в карман засунул краюху хлеба.

– Пошли!

Во дворе, увидав мёртвого дедушку, Любава опять расплакалась. Ждану пришлось силой вывести её на улицу и с трудом посадить на коня.

– Держись покрепче! – сказал, заправляя девичьи сапожки в стремя.

Потом сам вскочил в седло, и позади хаты они тронулись вниз, к лугу, где до самого леса темнели кусты ракитника и ольшаника...

Глава пятая

1

Утром, с восходом солнца, Ждан и Любава по льду перебрались через Днепр. Извилистой тропинкой поднялись к Аскольдовой могиле, а там и на гору, в Угорское. Отсюда через голые вершины деревьев уже просвечивались золотые кресты киевских соборов.

Усталые кони свернули на широкую наезженную дорогу. Любава едва держалась в седле. Лицо её осунулось, тёмные глаза погасли, пухлые, когда-то розовые губы запеклись, воспалились. Левая рука безжизненно свисала вниз. Рана и верховая езда совсем лишили её сил.

Ждан ехал рядом и поддерживал её за стан.

– Потерпи ещё немного, любимая, потерпи, – шептал он. – Уже скоро... Вот-вот доберёмся... А там Самуил найдёт знахаря или знахарку.

Он страдал вместе с нею. У неё болела рука, у него – сердце.

Иногда странное происходит с нами: раз или два встретишь случайно человека, поговоришь с ним – проникнешься к нему симпатией или полюбишь на всю жизнь. А особенно если это девушка, что с первого взгляда запала тебе в душу. И всегда эти встречи такие необычные... Вот так и Любава неожиданно вошла в жизнь Ждана ясною зорькой и стала вдруг такой родной и дорогой, что без неё Ждан уже не представлял самого себя.

Оставив по левую руку Клов, они выехали на высокое взгорье. Стояло погожее предвесеннее утро. Из-за Днепра поднималось отдохнувшее солнце. Над Киевом, который открылся им за широкой долиной, поднимались в голубое небо весёлые сизоватые дымы. Под копытами коней звучно потрескивал молодой ледок...

Но наконец-то и Киев. Знакомая узкая улочка. Вот и Самуилово жилище.

На громкий стук ворота открыл сам хозяин. И, увидав Ждана и Любаву, оторопел:

– Вы? Какими ветрами? Никак не думал. Заезжайте, заезжайте, дорогие гости! – Румяный после тёплой хаты, простоволосый, в колушке нараспашку, он искренне обрадовался их приезду и, довольный, суетился, ерошил волосы, потирал руки. И лишь заведя коней во двор, внимательнее посмотрел на Любаву, что молча сутулилась в седле, и взволнованно воскликнул: – Да на тебе лица нет, девонька! Что с тобой случилось?

Ждан ловко соскочил на землю, снял девушку с коня.

– Она ранена, дядька Самуил. Ей знахарь нужен, чтобы кровь заговорил, унял... Всю ночь мы сюда ехали из Глебова. Князь Игорь взял его на щит и всех вырубил...

– Князь Игорь? Всех вырубил? Что ты говоришь?...

– Я потом расскажу, дядька Самуил, а сейчас нужно Любаву спасать! Сам видишь – едва на ногах держится...

– Да-да, – заспешил Самуил и, позвав конюшего, велел присмотреть за конями, а сам, как был полуодетым, без шапки, повёл приехавших со двора. – Пошли к Славуте... Пусть он посмотрит.

Несмотря на раннее время, боярин уже сидел за столом и что-то писал. Самуил ещё с порога известил:

– Вуйко, спаси эту дивчину... Это Любава из Глебова... Я тебе рассказывал, как они с дедом нас приветили и угощали, когда мы с Жданом едва в поле не замёрзли.

– Что с нею приключилось?

– У неё рука поранена, боярин, – сказал Ждан.

– Снимай с неё кожух и посади вот сюда, на лавку, – кивнул Славута и, открыв дверь, крикнул кому-то во внутреннее помещение: – Текла, Хорошко, принесите скорей горячей воды, чистое полотно и мой сундучок с зельем! И потом завтрак нам приготовьте!

Пока Ждан снимал с Любавы кожушок, боярин тоже разделся до рубахи, засучил рукава и легонько коснулся повязки на руке Любавы.

Девушка вскрикнула и закусила губу.

– Ей же больно! – крикнул Ждан и шагнул вперёд, словно хотел отстранить боярина от раненой.

Тот пристальным взглядом его остановил:

– Кем она доводится тебе, отрок?

Ждан покраснел. А Самуил хитро прищурился, как делал это всегда, когда ведал, что сказать, но предпочитал промолчать. Наблюдательный Славута всё приметил и, не дожидаясь ответа, улыбнулся:

– А-а, понятно – твоя ненаглядная... – и, посерьёзнев, добавил: – Знай, Ждан, ей будет больно, рана, видать, глубокая – вон сколько крови вытекло... Нужно потерпеть, – погладил девушку по голове. – Правда же, Любава? Потерпишь?... Ложись, голубушка.

Он положил ей под голову подушку, а сам сел рядом на табуретке. К этому времени немолодая полнолицая женщина, наверное кухарка, внесла кувшин горячей воды, а Хорошко, подросток лет четырнадцати – свёрток полотна и сундучок, наполненный знахарскими принадлежностями и маленькими горшочками с мазями. Поставив всё на пол, они сразу же вышли.

Ждан шепнул Самуилу на ухо, уважительно кивнув на Славуту:

– Он что? И знахарь тоже?

– Всё он умеет, ко всему способный... Куда там до него знахарям! Он у ромейских лекарей учился, а теперь даже их сможет заткнуть за пояс. Князь и княгиня, когда занемогут, только за ним посылают. У него рука лёгкая и глаз добрый, – тоже шёпотом ответил Самуил. – Вот почему я привёл вас сюда. К нему...

Славута осторожно ножницами обрезал пропитанную кровью, заскорузлую повязку, что прикипела к ране, потом водой из кувшина обильно смочил оставшуюся часть её, чтобы размякла. И только потом резким движением оторвал её от тела.

Из раны хлынула кровь. Любава жалобно вскрикнула и тут же потеряла сознание.

Ждан вздрогнул и застонал, словно и ему стало нестерпимо больно.

Славута, успокаивая, покачал головой:

– Ничего, ничего! От обморока не умирают. Зато сукровица и порченая кровь отойдут... А это – к выздоровлению...

Он отрезал длинный кусок тонкого выбеленного полотна, густо намазал его мазью, которая пахла и воском, и мёдом, и луком, и корнем аира, и ещё какими-то травами. Затем туго обмотал девушке руку.

Любава открыла глаза, тихо спросила:

– Где я? Что со мной?

Славута погладил её по щеке:

– Всё хорошо, голубушка. Самое худшее позади... Но ты лежи, лежи, отдыхай пока. А мы тут приберём все, поговорим немного, пока Текла завтрак принесёт. А когда подкрепимся, тебе сразу станет легче. Потом ты уснёшь...

Пока Хорошко убирал в комнате, Славута прикрыл Любаву пёстрым одеялом и пригласил мужчин сесть к столу.

– Ну, Ждан, ты с далёкой дороги. Где побывал, что видел, что слышал? Вижу, нечто недоброе привело тебя с Любавой в Киев... Всё, всё рассказывай!

Чем дольше говорил Ждан, тем печальней становились глаза старого боярина, тем больше хмурился он. Глубокими морщинами покрылся его высокий лоб. А когда рассказал, как по

велению Игоря взяли Глебов, как, не жалея ни женщин, ни детей, ни стариков, уничтожали всех подряд, закрыл лицо руками и с болью не сказал – простонал:

– Ох, Игорь, Игорь! Что же ты натворил! Из всех Ольговичей, кроме Святослава, ты мне самый близкий, родной! Как сын! Я тебя, малого, на руках носил, уму-разуму учил! А ты вот как меня отблагодарил... Знаю, горячая в тебе кровь, честолюбивы помыслы, необузданные порывы порой охватывали тебя, но чтобы такое учинить!.. Где же твоё сердце и честь твоя где? Неужто спали они в ту лихую минуту, когда занёс меч на брата своего Владимира, когда затеял котору между князьями?... А князь Владимир! Смелый сокол наш переяславский! Первый среди ратоборцев в степи половецкой! Как же ты, княже, осмелился оставить братьев своих по оружию на краю поля половецкого? Как решился пойти стезёю татя-разбойника? Кто надоумил тебя разорять землю Северскую с мечом и подлыми намерениями? – Славута умолк и, склонив седую голову на руки, долго сидел в мрачной задумчивости, а потом, видимо, решился на важный шаг и тихо произнёс: – Надобно обо всём рассказать князю Святославу...

2

Однако оказалось, что Святослава в Киеве нет – утром уехал с княгиней и сынами в Белгород.

– Князь Рюрик пригласил их на охоту, – пояснил покладник⁴⁸ князя, которого они встретили на княжеском дворе.

Самуил и Ждан разочарованно развели руками. Вот досада! Знали бы – сразу после завтрака направились сюда. Славута своих чувств никак не проявил. Немного подумал, а потом решительно сказал:

– Ну что ж, тогда и мы в Белгород поскачем. Тем лучше – обоих великих князей там застанем...

Собирались недолго. Кони осёдланы, мечи – на боку, саквы с хлебом и солониной приторочены, и небольшой отряд (с боярином ехали ещё два отрока-охранника), миновав Золотые ворота, направился на запад.

Двадцать вёрст вскоре были позади. И вот показались кресты церквей, высокие стены с заборолами и башнями, могучие земляные валы, небольшие домики посада, что привольно распростёрся над обрывистым берегом Ирпеня.

Белгород! Западная твердыня Киева!

Почти двести лет защищает он ближние подступы к столице Руси. И не раз спотыкались о него и печенеги, и половцы, и поляки, и свои, охваченные гордыней и честолюбием князя, что надеялись пробиться копьями к золотому столу киевскому.

Стоит Белгород возле торного шляха, что ведёт на Волынь и в Галицкое княжество, в Польшу и Венгрию, в Моравию, Чехию, а там и дальше – в Священную Римскую империю. Крепкий орешек для нападающих завоевателей!

Любимый город великого князя Владимира Святославича, Белгород на протяжении двух веков оставался временной резиденцией киевских князей. Они всегда любили пожить здесь в просторных, пышных хоромх детинца, поохотиться в древних вековых борах и привольных полях на медведя или тура, искупаться летом в тихой чистой воде Ирпеня, отдохнуть от шумливой столицы.

Ныне здесь живёт постоянно Рюрик.

Всадники остановились перед киевскими воротами. Старший сторожи узнал боярина, поклонился. Не слезая с коня, Славута по-дружески похлопал его по плечу:

– А-а, Савелий! Как поживаешь?... Святослав уже здесь?

– Недавно с княгиней прибыли.

– Когда же на охоту?

– Собираются завтра поутру...

– Значит, мы вовремя... Проводи же нас в детинец! К князю Рюрику!

Детинец, внутреннее укрепление, где жил князь, отделялся от города таким же глубоким ровом и высоким валом, как и город от поля. Расположен он был в юго-западной части Белгорода, над крутым обрывом. На валу темнели дубовые заборола и сторожевые башни с бойницами, а в центральной части его высились каменные княжеские хоромы и гридница. Вдоль вала, прижимаясь к нему, стояли хозяйственные постройки – конюшни, сарай для возов и саней, кухня, амбар и кладовая...

На каменное крыльцо вышел княжич Олег Святославич.

– Славута! – улыбнулся он. – Заходи! Отец и князь Рюрик будут рады тебе!

– Я не один.

⁴⁸ Покладник – постельничий.

– Вижу... Самуил тут и... кажется, конюший князя Игоря... Заходите, все заходите!

Белгородские хоромы по пышности, удобствам и богатству не уступали киевским. Украшенные майоликой, блестящими изразцами, прозрачным и цветным ромейским стеклом, а также ромейскими коврами, они сияли под косыми лучами солнца, что врывались в узкие стрельчатые окна.

В большом зале, куда княжич Олег ввёл Славуту с его спутниками, – многолюдно. За длинным столом с опорожненной посудой сидели Рюрик, Святослав с сыновьями – Всеволодом и Владимиром. А в дальнем углу, возле окна, собрались тесной группкой женщины. В центре была хозяйка дома, вторая жена князя Рюрика, чернобровая, полнолицая женщина лет около сорока – Анна Юрьевна, дочь туровского князя Юрия Ярославича, она показывала Марии Васильковне и двум невесткам свои вышивки.

Была она шустрой, весёлой, любила посмеяться, посудачить, а особенно любила вышивки – сама вышивала целыми днями, дочек приучила к этому делу и дворовых девушек. Похвалиться ей было чем: её вышивки вызывали восхищение у всех, кто хотя бы немного разобрался в рукоделии.

После взаимных приветствий Святослав, узнав Ждана, нахмурился и спросил Славуту:

– Что-то случилось, боярин? Помнится мне, этот молодец всегда приносит неожиданные вести...

– Случилось, княже, – ответил Славута. – Игорь и Владимир Переяславский начали меж собою котору, настоящую войну... Но про это лучше расскажет конюший князя Игоря.

В полной тишине выслушали рассказ Ждана. Никто ни словом не обмолвился, не перебивал его, ничего не переспрашивал. Только хмурились всё больше Святослав и Рюрик, а у молодых князей сжимались от возмущения кулаки.

Молчание нарушил Святослав:

– О ссоре между Игорем и Владимиром на Пеле мы уже знаем. Но о том, что она так далеко зашла, не ждал я. Нет, никак не ждал, когда посылал молодых князей на Кончака, что этот поход закончится погромом русских земель! Проклятье!.. Мог ли я подумать, что начнутся межусобицы между князьями, что прольётся кровь русских людей...

– И я не предполагал этого, – сказал Рюрик раздражённо. – Виноват прежде всего Владимир, за что и поплатился!

– Виновен больше Игорь! – возразил Святослав. – Он старший, более сведущий. В его руках было большое войско, и обязан был думать не о добыче для себя да северских князей, а о том, как найти и победить Кончака или хотя бы погромить его основные силы... Он должен был Владимира поставить в голову войска, послать в сторожу его полк, а не самому лезть вперёд. Так разумный воевода не поступает! Нет, не поступает!.. Конечно, и Владимир не без греха, но Игорев грех больший!.. Подумать только – один грабит земли своего одноплеменника, а другой, чтобы отомстить ему, вырезает и сжигает целый город!.. Это же злодейство! Из-за чего?... Доподлинно зная, что половцы объединяются, чтобы всеми силами идти на Русь, затеяли свару, которая может обратиться в погибельную для всех братоубийственную битву! Мы должны, братья, подумать, что надобно нам сделать, чтобы предотвратить это страшное лихо...

– А также как предотвратить нападение Кончака, – добавил Рюрик, повернулся к окну, где сидели женщины, и сказал: – Княгиня, ты повела бы гостей к себе и показала, как научились вышивать наши дочки. У Марии Васильковны есть неженатые сыновья – глядишь, князь с княгиней и зашлют к нам сватов!

Анна сразу поняла, что мужчинам надо остаться одним, поднялась и пригласила княгиню на свою половину. А князья поудобнее устроились за столом и начали обсуждать опасное положение, что неожиданно-негаданно возникло в южнорусских княжествах в результате яростной вражды между Игорем и Владимиром.

– Собрать снем⁴⁹, – предложил Всеволод Чермный, – и на нём их помирить!

– А если они не согласятся пойти на замирение? Или только сделают вид, что помирились? – возразил его брат Владимир. – И останется искра, которая станет тлеть и дальше, пока вновь не заполыхает огонь!..

– Тогда силой заставить! – воскликнул молодой княжич Олег.

Рюрик невесело усмехнулся:

– Хм, силой! Чтобы старое вернулось? Чтобы снова разгорелась на Русской земле межиусобица между Ольговичами и Мономаховичами? Нет, надо обойтись без силы... Ещё никогда половцы не были так сплочены и так сильны, как теперь! И если между князьями вспыхнет вражда и перерастёт в настоящую бойню, которую мы с князем Святославом погасили разумом несколько лет назад, то половцы непременно воспользуются такой счастливой для них возможностью и нападут на Русь. И Бог ведает, чем всё это может закончиться...

– Если князья дозволят слово молвить... – подал голос боярин Славута.

– Говори, Славута, говори, – кивнул озабоченный Святослав.

– Князь Рюрик правильно мыслит: Игоря с Владимиром не силой, не оружием надо мирить, а добрым словом. – Славута обвёл взглядом своих ясных глаз присутствующих и, не услышав возражений, повёл речь дальше: – Однако боюсь я, что сделать это нелегко. Оба они молодые, горячие, честолюбивые... Пожалуй, мнится мне, наилучший выход – позвать обоих в новый поход, а ведь такой предвидится, чтобы общая высокая цель соединила их сердца.

Святослав в знак согласия склонил голову.

– Я тоже так думаю: не ждать, пока Кончак, Кза и Кобяк объединёнными силами ударят на Киев или Переяславль. Зимний налёт ханов Кончака и Туглия – это лишь предварительный поход. Кончак начал с разрушения городов по Суле, и теперь ему открыт путь вглубь Русской земли.

– Вот и надобно на него ударить раньше! Чтобы не успели половцы копытами своих коней потоптать наши села и города! – воскликнул Всеволод Чермный.

– К этому и веду... Созовём всех князей – и с Киевской, и с Северской, и с Волынской, и со Смоленской, и с Галицкой земель – да общими силами и ударим!.. Поход Игоря не принёс желанной победы. Наоборот, обернулся скорбью и несчастьем для Русской земли. Кончак будет потешаться над нами, когда узнает, чем закончился этот горестный поход. Но чтобы не радовался прежде времени, мы соберём всю силу Русской земли и погромим его в половецких степях.

– А когда сможем выступить? – спросил княжич Владимир.

Святослав задумался.

– Чтобы как следует подготовиться, потребуется какое-то время. Мы с Рюриком пошлём к князьям гонцов, чтобы прибыли с дружинами в Киев до конца мая. А ты, Самуил, – обратился он к купцу, сидящему с Жданом в конце стола, – как только подсохнет, выезжай с товарами в половецкую степь. Выведай, где будут в это лето их кочевья, каковы намерения Кончака и Кобяка. Должен вернуться домой в последнюю неделю мая. Если же удержишься, то дожидайся нас возле Переволочной – мы там будем переправляться через Днепр.

– Понял, княже.

– А твой молодой друг Ждан, – продолжал Святослав, – как я уже заметил, сметливый хлопец. Я хочу послать его с письмом к Игорю... Нужно высказать князю наше недовольство им и позвать в новый поход. Пусть готовится со своими братьями.

– Пусть готовится! – согласился со Святославом Рюрик. – А я напишу о том же Владимиру Глебовичу.

⁴⁹ Снем – съезд князей.

Ждан никак не ожидал такого поворота событий. Уехать от Любавы... Да ещё к Игорю, который неизвестно ещё, как отнесётся к беглецу. Ехать к нему не хотелось. Да как возразить великому князю?!

Его замешательство заметил боярин Славута.

– Княже, а удобно ли посылать Ждана? Он был конюшим Игоря и бежал от него из Глебова, и к тому же с княжескими лошадьми... Как бы Игорь под горячую руку...

Святослав перебил Славуту:

– Удобно. Я это предусмотрел... Ждану нечего бояться. Как раз у него будет подходящий случай вернуть княжеских лошадей, честно рассказать обо всём, как было, и оправдаться перед князем. Игорь горячий, вспыльчивый, это всем известно, но вместе с тем он честный, поймёт, что Ждан иначе поступить не мог... И я со своей стороны слово замолвлю.

Ждан молча поклонился. Вмешиваться в беседу князей он не смел. Уже то, что сидел за княжеским столом, – неимоверно высокая для него честь. Он понимал, что князь доброжелательно относится к нему благодаря важным вестям, которые он принёс, и благодаря тому добромu, что о нём говорили Славута и Самуил. Возможно, Святослав стал ценить его как смелого и разумного юношу, на которого он может вполне положиться, что Ждан его ни в чём не подведёт...

Сойдясь на том, что поход против Кончака совершенно необходим, князья ещё долго обсуждали, как лучше, когда, какими силами провести его. Решали, кого из князей пригласить к участию в походе и каким путём выступить – Залозным, то есть по левому берегу Днепра, то ли по Днепру на челнах, или по правому берегу... А когда всё обговорили, Рюрик позвал жену и показал на стол:

– Княгинюшка, вели сменить нам блюда.

Округлое лицо Анны озарила весёлая улыбка, блеснули ровные, ослепительной белизны зубы, заискрились чёрные глаза, и она с лукавинкой в голосе, в котором едва слышался далёкий отзвук говора дреговичей, спросила:

– И женской компании теперь к вам можно присоединиться?

– Конечно же, милая моя, конечно, – ответил князь Рюрик.

3

Тысяцкий Шварн, пожилой, рыжебородый человечище с тяжёлым оловянным взглядом и крупным крючковатым носом, вбежал в княжеские покои, задыхаясь, словно за ним кто гнался. Прямо с порога закричал:

– Беда, княже!.. Беда!

Владимир с княгиней Забавой и их двое маленьких детей сидели за столом – завтракали. Ранние солнечные лучи прорывались сквозь узкие стёкла высоких окон и озорными зайчиками бегали по цветным глазурованным плиткам, которыми были облицованы стены покоев. Вкусная еда, весёлые шалости ребятишек, милая улыбка красавицы княгини, игривые блики солнца – всё это настраивало на мирный, блаженный лад. Поэтому испуганный вид тысяцкого и тревожный смысл его восклицания не сразу дошли до сознания князя.

Он отложил ложку и с усмешкой спросил:

– Что там тебе спросонья привиделось – половцы или пожар?

– Хуже, княже! На Глебов Игорь напал с дружиной северской, сжёг город и подол, а людей несчётно посёк!

Владимир резко вскочил. Кровь отлила мгновенно от лица, оно стало бледным.

– Игорь? Откуда он там взялся? Кто поведал такое?

Шварн обернулся, хлопнул в ладони и крикнул в раскрытые двери:

– Ивашка, зайди! – и пояснил, вновь со страхом глядя на князя: – Это глебовский закуп...⁵⁰

В покои робко вступил молодой коренастый смерд в белых полотняных штанах и лаптях, в потёртом латаном козюшке, подпоясанном обрывком бечёвки. Руки судорожно мяли облезлую заячью шапку. Он истоиво склонил в низком поклоне растрёпанную лохматую голову.

– Когда это случилось? – гневно спросил князь.

– Вчера, прям опосля обеда, княже. Налетели севрюки на Глебов со своим князем. Лютовали, как половцы! Убивали всех без разбору, хватали жён и девчат, грабили жильё и сараи, ворвались в город... Я уехал о ту пору в лес по дрова, токмо потому спасён был...

– А где же была сторожа? Где был тиун Карпило?

– Никто же напада не ждал... от соседей ведь...

– Не ждали... Спали... Псы смердящие! Бездельники! Карпилу повесить! Если жив! Проворонил ворога, в город впустил, не защитил! Я давно приметил, что он лишь о себе заботу имеет! А для князя повинность исполнять обленился! Его счастье, если со всеми погиб! – Владимир на некоторое время замолк, уставясь на смерда невидящим взглядом, долго о чём-то думал, потом тихо спросил: – А Игорь? Он ещё там?

– Был там, когда я из Глебова сюда бежал...

На Владимира страшно было смотреть. Яростный гнев обезобразил его красивое лицо. Лютовал на Игоря и одновременно на себя досадовал, что дал повод Игорю для нападения. Главное – не уберёт свою землю и своих людей от его мести, не подумал, не сделал ничего для этого.

Ивашко стоял ни жив ни мёртв. Съёжился, втянул голову в плечи и, по всему видно было, ждал, когда гнев князя падёт и на него.

В это время к князю подошла перепуганная услышанным княгиня Забава. Светло-красное платье свободно облегалo её стан. В глазах стояли слёзы. Она положила свою руку на руку Владимира:

– Что, мой княже? На Игоря с мечом пойдёшь?

⁵⁰ Закуп – тот, кто взял у князя или его наместника заём, ссуду («купу») и за это исполняет феодальные повинности.

– Да, пойду! Он всегда не любил меня! Ненавидел! Я за всё ему отомщу!
– Но ведь ты первый, княже, его обидел! Ты послал на его землю свои полки!
– Я его людей не дозволил убивать! – повысил голос Владимир. – Ну, потрепал для острастки несколько его городков и селений – только и всего... А он кровь пролил!
– Княже, я поеду в Чернигов к отцу, князю Ярославу. Он вас помирит...
– Об этом и не думай! Пока жив буду, ничего не прошу Игорю! Я сейчас же отправлюсь, догоню его и покараю оружной рукой! – И тут же приказал тысяцкому: – Шварн, труби сбор! Немедля выводи дружину! Мы его догоним – и пусть Бог рассудит нас!

Шварн выбежал из покоев. Ивашко, не разгибая спины, выскользнул вслед за ним.

Забава горько заплакала. Она очень любила мужа, прямодушного и бесстрашного князя Владимира, и с первых дней замужества стала бояться, что потеряет его. Забаве ещё до свадьбы нагадала ворожея, что счастливою будет в замужестве, но недолго продлится её счастье.

– Я боюсь потерять тебя, ладо мой! – уронила голову на его плечо.

Владимир погладил пышные чёрные косы жены, поцеловал в голову:

– Не плачь, княгинюшка! Ещё не выкован тот меч, что прервёт нить моей жизни!

Всем было хорошо ведомо, что излюбленное оружие князя – меч и что мало кто из самых опытных воинов так умело владел им, как Владимир.

– Да, меч, может, и не выкован, – удручённо, будто говоря сама с собой, произнесла Забава. – Но можно ли то же самое сказать о далеко достающем копье или слепой стреле?

Князь ничего на это не ответил, а легонько обнял её за плечи и подвёл к играющим с нянькой детям.

– Береги их, а обо мне не волнуйся!

В тот же день переяславская дружина прибыла в Глебов. Ещё издалека воины увидели чёрные груды пепла, обгорелые столбы и закопчённые стены, окровавленные трупы на снегу да бездомных собак на пожарищах. Напуганное быстро приближающимися всадниками, в небо взвилось чёрное вороньё.

Кое-где бродили, как потерянные тени, согнутые фигуры глебовцев, которым посчастливилось спастись. Таких было мало, а трупов – не счесть...

Владимир мрачно оглядывал всё. О чём он думал? О своих несчастных подданных, что приняли мученическую смерть не от рук чужеземцев, а от мечей своих же людей? Об Игоре? Или о ссоре с ним в далёком поле за Пслой?

К нему подвели женщину, растрёпанную, простоволосую, с красными от слёз глазами. На расплетённой косе запеклась кровь.

– Когда уехал отсюда Игорь? – спросил Владимир.

– Да сегодня рано поутру и поехал клятый!.. Целую ночь его ироды грелись возле пожарищ, варили и жарили птицу, свинину, нажрались, чтоб им подавиться, а уже потом поход протрубили...

Владимир взглянул на Шварна:

– Догоним?

Тысяцкий насупился, отрицательно покачал головой:

– Догнать-то, может, и догоним... А потом что? Мы не знаем, сколько у Игоря воинов... Да и снег вот-вот растает – распутица... застрянем где-нибудь в дороге... Нет, княже, не следует теперь догонять! К тому же кони устали – мчались ведь мы сюда от Переяславля, не переводя духа...

Владимир и без Шварна понимал, что гнаться сейчас за северянами рискованно. Если б застал их здесь, то не раздумывая начал бы сечу, а догонять, когда Игорь уже бог знает где... Шварн, как всегда, дал мудрый совет: погоня к добру не приведёт.

– Тогда – в город. Посмотрим, что там. – И князь тронул коня.

Такие, как Глебов, древнерусские города, как правило, располагались на возвышенности. Верхняя, центральная, часть – большая или меньшая крепость – обнесена обычно земляным валом с деревянным палисадом и забором по нему. Низина – неукреплённая часть города, где жили ремесленники, смерды, закупы, холопы, – называлась подолом, а позднее, в северорусских городах, посадом.

Владимир в сопровождении бояр, полусотни дружинников проехал по подолу и поднялся на небольшой пригорок. Городские ворота открыты, мост опущен. Повсюду лежали посечённые глебовские воины. От деревянных домов остались груды головешек. Огонь добирался и до забора, но влажное после зимы дерево не хотело гореть – тлело, обугливалось, и теперь палисад изнутри стоял чёрный, мрачный.

Город Глебов, основанный совсем недавно князем Глебом, перестал существовать.

– Найдите мне Карпило – живого или мёртвого! – крикнул Владимир дружинникам, что разъехались по городищу, заглядывая в лица мёртвых воинов, женщин, детей.

– Нет нужды искать меня, княже, я тут!..

Удивлённый Владимир поднял голову. На него, перевесясь через внутреннюю ограду надвратной башни, смотрел красными, словно кровавыми глазами тиун Карпило. Несмотря на мороз, на нём лишь одна вымаранная в саже рубаха. Лицо его распухло, набрякло, патлатый чуб его сваялся, словно грязный войлок. Левая щека от уха до бороды в запёкшейся крови.

– Ты? Живой? – тихо спросил князь. – Как же ты уцелел?

Карпило заплакал:

– Вся моя семья, княже, – жена, дети, – сгорели, и их косточки лежат вон в том пепелище... Все мои воины тоже погибли... Я бился вместе с ними, но, как видишь, живой остался... Почему?... Сам не знаю... Так, видно, Игорю захотелось... Когда меня, пораненного, схватили и привели к нему, я подумал что тут мне и конец. Но он, узнав, что я тиун, сказал: «Не убивайте его! Я хочу, чтобы он передал князю Владимиру, что Глебов – это расплата за опустошение и ограбление Северской земли. И так будет каждый раз, пока Владимир не уразумеет, что трогать Игоря – всё одно что играть с огнём... Киньте тиуна в погреб, а утром, когда выступим домой, выпустите его!» Меня и вправду не забыли поутру выпустить, и вот я брожу по Глебову как неприкаянный... Лучше бы сразу погибнуть!

– Сам виноват! Не охранил крепость! Впустил Игоря в город!

– Винен и я, конечно... Но больше вины на тебе, княже. Ибо не я, а ты повернул переяславскую рать из похода, ибо не я, а ты разорил северские сёла и города!

– Да ты понимаешь, что своему князю говоришь?! – вскипел Владимир. – Спускайся вниз немедленно! Тут я тебе скажу!..

– Не спущусь!

– Как ты смеешь такое...

– Не хочу! С меня хватит и тех мук, какие я ныне принял.

– Возьмите его! – приказал Владимир дружинникам.

Те кинулись выполнять княжье повеление.

– Ха-ха-ха! Поздно, княже! – прохрипел тиун со своей обожжённой огнём, почерневшей башни. – Поздно! Всё имущество моё сгорело, вся семья погибла, зачем мне теперь этот постылый свет?

С этими словами Карпило бросился головой вниз, под ноги Владимира. Умер сразу, даже не шевельнулся.

И князь, и дружинники, потрясённые этой неожиданной, страшной смертью, долго молчали.

– Безумец! – произнёс наконец Владимир и поехал прочь из опустевшего города.

4

Пять дней мчался Ждан до Новгорода-Северского, останавливаясь лишь для того, чтобы покормить коней. За пазухой – письмо от Святослава, а в душе – страх перед встречей с Игорем. Что скажет князь? Как расценит его бегство из-под Глебова? Как воспримет его роль посланца Святослава?

Выезжал из Киева неохотно: расхворалась и лежала в жару Любава. Прощаясь, прошептала пересохшими губами:

– Ты вернёшься, Жданко? Возвращайся, я же осталась одна-одинёшенька на всём белом свете... Теперь никого у меня нет...

На её глазах выступили слёзы. У Ждана от жалости перехватило дыхание.

– Я пойду к князю и отпрошусь... Пускай другой поедет...

Но Славута слышал их разговор и строго предупредил:

– Куда? Князья не любят, когда не выполняют их повелений! Поезжай, милый, и не медли! А за Любаву не бойся: молодая – поправится. Да и мы за ней тут вместе присмотрим...

И вот он, забрызганный грязью, измученный дальней дорогой, оставив коней у коновязи, направился к хоромам князя Игоря. А навстречу Янь. Шапка, как всегда, на затылке, из-под неё выбивается тугая прядь русских волос, на румяном лице удивлённо-радостная улыбка, а руки раскинуты для объятий.

– Ждан! Откуда ты? Мы думали, тебя уже и на свете нет!..

Ждан дал себя обнять, но радости Яня не разделил. Тревожила предстоящая встреча с Игорем.

– Я к князю...

– Так вот и сразу? Аль ждёт он тебя?

– Из Киева с письмом я к нему...

– Ого! Так ты, значит, и в Киеве успел побывать? А мы только на днях вернулись из похода... Гляди какой шустрый! – Янь покрутил головой, а потом добавил: – От кого письмо? От Святослава? Знаем, что старый пишет! Не очень-то его письма понравятся нашему князю... Да уж ладно. Ничего не поделаешь, иди...

Игорь сидел в светлице. Он никак не ожидал появления Ждана и потому с необычным для надменного князя удивлением уставился на своего вдруг воскресшего конюшего.

– Ты живой, оказывается? Где это тебя носило? Мы весь Глебов перевернули – не нашли... Где был? Говори немедленно! Как посмел меня без запасного коня оставить?!

– Я в Киеве был, княже.

– В Киеве? Да как ты дерзнул туда направиться? И зачем?

– Я свою наречённую спасал... – Ждан склонил голову, ожидая взрыва княжеского гнева. Но Игорь промолчал. Подбодрённый этим, Ждан рассказал всё, как было, – и про Любаву и её деда, и про нападение на их хижину северских воинов, и про убийство старого и ранение девушки. А потом добавил: – Куда было деваться Любаве? Взять её с собой? Долгой дороги до Новгорода-Северского не выдержала бы... Оставить пораненную в разорённом Глебова? На кого? Ведь там одни трупы убиенных людей и головешки от спалённых хижин... Тогда и надумал, что иного пути нет, как везти её в Киев, к Самуилу... Он приветил нас и повёл её лечить к Славуте.

– Ты видел Славуту? Как он там?

– Крепкий, здоровый... Вспоминал тебя, княже.

Лицо Игоря на миг просветлело.

– Добрым словом иль лихим?

Ждан замялся, потом выпрямился и, глядя в глаза князю, сказал:

– Да... И добрым... и лихим.
– За что же лихим?
– За Глебов, княже...
– За Глебов... Гм... Это ты ему разболтал?
– Карай или милуй – я, княже... Должен был правду сказать... Однако слухи и так дошли бы... Разные... Я же ему только правду... Как было...

Игорь насупился. В глазах вспыхнул холодный блеск.

– И князь Святослав знает?

– Знает, княже... И не только знает, а и письмо тебе со мной прислал.

Ждан достал из-за пазухи тугой свиток пергамента. Игорь торопливо сорвал восковую печать, впился глазами в размашистое великокняжеское послание. И чем дальше читал, тем становился мрачнее.

Потом бросил свиток на стол и разразился бранью:

– Проклятье! Он называет меня отступником, погубителем земли Русской. Будто не князь я, а холоп! Будто он святой, а я грешник!.. А кто у нас Чернигов отобрал? Кто в течение стольких лет поднимал меч на великого князя Киевского Рюрика Ростиславича, пока не заставил его поделиться властью? Кто разжигал межусобицы между русскими князьями – я или он? И после всего этого он смеет бросать мне упрёк, что я-де отступник! Проклятье! – Тут Игорю в голову пришла какая-то новая мысль, и он вдруг странно взглянул на Ждана, схватил за грудки, тряхнул изо всех сил: – Это ты, холоп, оговорил меня перед Святославом? Ты наболтал ему лишнее про Глебов? Да ещё осмелился привезти сюда это несправедливое письмо, будто не мог догадаться, что тут ждёт тебя! Иль, может, понадеялся, что заступничество Святослава от всего защитит? Ты – смерд, холоп, раб! Я вытащил тебя из грязи, а ты меня так отблагодарил?

– Княже, о чём ты говоришь? – воскликнул ошеломлённый Ждан. – Как бы я посмел тебя оговорить? И для чего? Разве правду о разорении Глебова можно скрыть? Неужто князь Святослав не узнал бы об этом и без меня? И разве я мог отблагодарить тебя злом за добро?!

Но Игорь уже и слышать ничего не желал – так сам себя распалил.

– Эй, люди! Взять этого негодника да в поруб его! В пугы железные! – кричал во весь голос.

Вбежали дежурящие за дверями два гридня. Как спущенные с цепи псы, набросились на юношу, заломили руки, потащили во двор. Не успел Ждан опомниться, как его втокнули в тёмный сырой подвал под крепостным валом. Быстро, со сноровкой прикрепили ногу к цепи, вмурованной в стену, и швырнули на кучу трухлявой, затхлой соломы. Стукнула дверь, заскрежетал засов – и в подземелье наступила тишина. Глухо, холодно, как в могиле.

Вот и случилось то, чего он опасался, когда сюда ехал. Несмотря ни на что – ни на правдивый рассказ, ни на напоминание о Славуте, ни на заступничество князя Святослава, – Игорь расправился с ним, как с лютым врагом. Что же дальше? Чего ждать в будущем? Неужели после стольких невзгод и опасностей встретит он свой конец в этой зловонной яме? Неужели суждено гнить заживо, пока не умрёт? Нет, не на такое он надеялся, когда бежал из половецкой неволи...

Сквозь узенькое – шириной с ладонь – оконце в подвал пробивался луч серого света, выхватывая на противоположной стене чёрные сырые брёвна, покрытые плесенью. И этот лучик дневного света, напоминающий о воле, о широком, безграничном мире, что пропал для него, возможно, навсегда, причинял ему ещё большую душевную боль.

Ждан скрючился на холодной, осклизлой соломе. К горлу подкатил горький клубок, на глазах выступили слёзы, а плечи помимо воли затряслись в едва сдерживаемом стоне-рыдании.

И вдруг неожиданно в тёмном углу звякнуло железо, зашуршала солома и кто-то невидимый, но живой, касаясь его плеча, произнёс басовитым, простуженным голосом:

– Не плачь, отрок! Слезами горю не поможешь...

Ждан вздрогнул. Перестал рыдать, рукавом вытер мокрое лицо, стыдясь своей минутной слабости.

Позвякивая цепью, незнакомец вышел из угла на свет. Он оказался ширококостным, сильно исхудалым мужчиной в старой свитке смерда.

Густая спутанная борода, буйные растрёпанные волосы, в которых торчали ржаные остюки, и пронизывающие горящие глаза под низкими лохматыми бровями придавали ему схожесть с домовым или лешим, а то и водяным...

Ждану стало жутко.

– Ты кто будешь?

Тот глухо закашлялся, затрясся всем телом, а отдышавшись, ответил:

– Кто я?... Смерд есмь княжой... Будило... Коваль из Путивска... Что над Десной...

Слышал?

– Слышал... За что же тебя сюда бросили?

– Хе-хе! За что... За веру нашу праотцову... За то, что поклонялся не Богу Отцу, Богу Сыну и Богу Духу Святому, а солнцу и небу, ветру и грому, рощам и лесам, водам и пушам. За то ещё, что не давал десятины попу на церковь, а тайно носил требу в лес или в поле нашим богам и там поклонялся им и молился... Кто-то, оказалось, подглядел и донёс попу Маркелу. А тот, возымев на меня зло, донёс епископу Савватию. А Савватий, гречин хитрый и коварный, приказал черноризцам схватить меня, забить в кандалы и бросить к княжой поруб...

– Князю Игорю ведомо про это?

– Тут целую зиму просидел, но князя ни разу не видал.

– Так надо обратиться к нему!

– Обрати-ться!.. Скажешь такое! К кому обратиться? К этим стенам? Иль, думаешь, стоит слово сказать, как тут же откроют пред тобою дверь, возьмут под белы руки и отведут прямёхонько к самому князю в хоромы?... Нет, братец, князь, видать, заодно с епископом. А тот гречин не одного из внуков Дажьдбога сгноил в яме или сжёг на костре... И меня ведь такая доля ждёт...

– А бежать отсюда...

– Бежа-ать!.. Я не раз каждое звено цепи ощупал – не перервать, не перетереть о камень! Не такими ковалями она кована... Каждую щёлочку в стенах осмотрел – не расколупаешь, не пролезешь... Хоть головой о стену бейся – ничего не придумаешь!

– Что же делать?

– Верить! Верить нашим богам стародавним!.. Они помогут!.. Всему на свете рано или поздно наступает конец – и зиме, и лету, и жизни, и славе, и богатству, и страданиям. Вот и нашей с тобой беде тоже будет когда-то край! Ударит Перун молнией в княжой хором, испепелит его – и мы выйдем из этого проклятого подземелья под ясные лучи солнца... Станем вольными людьми... А не ударит Перун – налетит чёрным смерчем Стрибог, закрутит, завертит над Игоревым градом, разрушит хоромы, разметёт валы, и мы тоже выйдем отсюда к живым людям... А не выйдем, тогда Марена приголубит нас своею могучей рукой, и заснём мы на веки вечные, а души наши переселятся в других людей, а может, в зверей или в зелёные деревья...

– Значит, конец нашего заточения может оказаться разный...

– Конечно разный... Но страдания наши окончатся... Так что верь, и у тебя на сердце станет легче. А слезами горю не поможешь.

Будило зазвенел цепью, подошёл, обнял Ждана за плечи. Юноше стало от его крепких объятий теплее, в горле не стало горько-солонятого комка, а на душе действительно посветлело, будто в мрачное подземелье вдруг заглянул солнечный лучик надежды... Общее горе было поделено пополам, и он почувствовал, что с его плеч будто снята часть тяжести.

5

Любава металась в горячке на широкой деревянной кровати в просторной хоромине боярина Славуты. Ей казалось, что из тёмных углов, куда не доходил свет от лампадки и свечек, вылетают, как чёрные вороны, призрачные чудовища с огромными клювами и когтистыми лапами. Они неистово набрасываются на неё, хватают за руки, ноги, за косы и тащат куда-то в страшные провалы. Дышала тяжело, прерывисто. Лицо её побледнело, осунулось, губы запеклись, а в прекрасных чёрных глазах затаилась смертельная тоска.

Возле неё сидели трое: Славута, его кухарка и Самуил. Все были сумрачны, встревожены. Когда рана начала заживать, девушку постигло новое лихо. Вдруг запылала горячка внутри груди, её жгло как огнём, жар охватил всю, и горит она в нём вот уже который день. А этой ночью ей стало совсем плохо: начала задыхаться, метаться на кровати, не находя себе места. Запёкшиеся губы непрерывно шептали:

– Жданко, пить! Жданко, где же ты? Пить, пить!..

Мальчик-слуга внёс горячее питьё, и Текла напоила девушку из чашки отваром липового цвета, малины и ромашки. Славута натёр салом грудь и спину, приложил припарки из квасного житного теста, замешенного на горчице, мёде, рапсовом масле и настоях каких-то, только ему известных корней и трав. Самуил непрерывно менял на её лбу тонкий рушник, смачивая его в холодной воде, и тот рушник мгновенно высыхал, становился тёплым, даже горячим.

Закутав девушку шерстяным одеялом, Славута вымыл в тазике руки, отошёл в дальний угол хоромины и устало опустился на скамью. Самуил присел рядом с ним.

– Ну что? – спросил одними губами.

– Плохо, – вздохнул боярин. – Если до утра не полегчает, то нужно звать попа... Бедная дивчина! Такая молодая, красивая...

Славута провёл ладонью по глазам, словно согнал с них невидимые слёзы. Ему и вправду было жаль эту молодую жизнь, что, не успев расцвести, вот-вот могла угаснуть.

Сколько помнил себя, он всегда остро ощущал чужую боль и чужое горе. Когда был приставлен князем Всеволодом к княжичу Святославу, то вскоре привязался к нему, полюбил, как младшего брата, и его неприятности, обиды, болезни и неудачи воспринимал как свои собственные. Когда, бывало, княжича за шалости наказывали ремнём, он подставлял под ремень свою руку или принимал вину на себя. А если на конюшне лупцевали за провинность холопа, то тоже кидался на его защиту, хотя за это часто перепадало и ему.

Позднее он научился выхаживать при болезнях своих детей и княжеских, в походах не только подбадривал воинов песнями и рассказами о прошлых походах и победах, но и лечил больных, перевязывал раненых, стягивал в лубках сломанные кости, вправлял вывихи, а при необходимости пускал кровь... И никогда не делал разницы между князем и смердом, между боярином и закупом. Для него все они были людьми, и, когда удавалось поднять кого на ноги, чувствовал себя счастливым.

Не выходил, не поставил на ноги лишь двоих, самых дорогих и родных – свою жену и единственного сына. Жена Евпраксия сгорела десять лет назад в такой же горячке, от которой сейчас тает Любава. А сына, двадцатипятилетнего витязя, привезли годом позднее из-под Лубна, что над Сулою, на носилках между конями, с половецкой стрелой в груди... Две недели боролся тогда Славута за его жизнь, все свои знахарские знания приложил, все мази и отвары применил, приглашал всех лекарей, что славились в округе умением лечить, – и греков, и венецианцев, и немцев, и иудеев, и своих. Ничто не помогло. Никто не спас ему сына. Угас, как свеча, оставив в сердце отца по себе незаживающую рану...

Три дочери – как отломленные ветви. Повыходили замуж – выпорхнули из гнезда. И все далеко – одна в Галич, вторая во Вщиж, третья аж в полесский Туров. И остался старый

боярин-гуслиар, знахарь и волшебник-чародей сиротой-одиночкой. Читал книги, вёл свою собственную летопись, отводил душу песнями на княжеских пирах, влюблён был в соколиные ловы, а ещё – щедро раздаривал доброту своего сердца людям, которые нуждались в такой доброте и помощи. В последнее время ими стали Ждан и Любава. Полюбил их как родных.

– Неужели помрёт? – вздохнул Самуил.

– Все мы смертны.

– Бедный Ждан! Он всем сердцем полюбил эту дивчину...

– Отчего он так долго не возвращается? Как бы не случилось чего лихого с ним!

– И я его жду не дожусь, – покачал головой Самуил. – Обоз готов уже. Малость подсохнет – и пора трогаться в путь, к половцам, а его всё нет и нет... Мне он очень нужен – знает язык, обычаи, дорогу. Да и смелый, разумный, только бы не сглазить!

– Каким шляхом поедешь?

– Как всегда – Залозным... Правым берегом Днепра до Заруба, там на другую сторону, до Переяславля, а оттуда – к устью Сулы...

– А назад?

– Как Бог даст... Правда, князь хочет, чтобы я ждал его на Ворскле возле Переволоки...

– Какие знакомые пути-дороги! – с горечью в голосе воскликнул Славута. – Сколько по ним хожено, езжено! Доведётся ли ещё?...

– Доведётся, вуйко, – утешил его, как мог, Самуил.

Но тот пожал плечами:

– Как знать... Груз лет за плечами уже начинаю чувствовать.

– Ну, не скажи, ещё не у каждого молодца такая сильная рука и такой зоркий глаз, как у тебя, вуйко! На лету птицу бьёшь!

Славута хотел на это что-то ответить, но не успел. К нему торопливо подошла Текла и шепнула:

– Боярин, Любаве стало хуже! Руки и ноги холодеют... Что делать?

Девушка дышала неровно, с трудом. Глаз не открывала. Лежала на мягких подушках, укутанная одеялом, неподвижно, как мёртвая, и только тонкие белые пальцы шарили по груди, будто хотели вырвать из неё боль, которая жгла её нестерпимым огнём. Нос заострился, под глазами залегли тёмные тени.

– Горячую воду, горчицу несите! Да быстро! – крикнул Славута.

Слуга принёс деревянное корыто с горячей водой. Текла подала кувшинчик с молотой горчицей и длинный половник.

Славута высыпал жменю горчицы в корыто, размешал половником. Попробовал рукой, не слишком ли горяча вода, и после этого, поставив корыто на кровать, опустил в него холодеющие ноги Любавы.

– Давайте кипяток! Будем всё время подбавлять, чтобы не остывала!

Ему подвинули табуретку, рядом поместили бронзовый казан с крутым кипятком. Он зачерпывал кружкой и понемногу подливал...

Медленно тянулось время. Сменили в подсвечнике одну свечу, потом вторую. Ничто не нарушало гнетущую тишину, зависшую в хоромине, никто не говорил ни слова. Ждали чуда. Все истово хотели, чтобы оно свершилось, чтобы болезнь отступила и девушка открыла глаза.

Всё время журчала вода из кружки, моргал, потрескивая, огарок свечи, тянул свою нескончаемую песню сверчок, а Славута ни на шаг не отходил от кровати.

Пропели третьи петухи. Вот-вот начнёт светать. Скоро наступит погожее весеннее утро. Что же принесёт оно в этот полный тревоги дом? Радость? Или горе?

Любава тихонько вздохнула, длинные ресницы дрогнули. Славута положил свою горячую руку ей на лоб и вдруг почувствовал, как он увлажняется прохладным потом. Боярин повернул голову к Самуилу и Текле, к мальчику-слуге, и они увидели в его глазах слёзы радости.

– Будет жить! Разрази меня Перун – будет жить! – прошептал весело. – Смерть отступает... Отступает...

6

Ярило одолел зиму. Даже в глухое подземелье дохнул лёгким тёплым ветерком, заглянул жёлто-серебристыми, пушистыми комочками вербы в узкое оконце поруба.

Солнце день ото дня поднималось всё выше и выше. В небе прокурлыкали журавли, прокричали гуси, в темницу проникал тёплый дух земли, смешанный с волнующими запахами весенней зелени и клейких почек, кружил голову.

Ждан целыми днями не отходил от оконца. Смотрел на небольшой уголок двора в нём и представлял широкий безбрежный мир – разлив на Десне, зелёные боры и тёмные, ещё безлистые рощи на горизонте, узкие полосы озими на полях, тёмные провалы оврагов, бездонную голубизну неба.

Как хотелось ему туда – на волю! Дышать опьяняющим воздухом весны, промчатся босиком по тёплой береговой траве, подставить лицо и руки золотым лучам Даждьбога...

Но цепь позволяла дотянуться только до оконца.

И то хорошо. Невеликая, но радость: иметь возможность стоять так и час, и другой, смотреть на волю. Пока не задрожат, не подломятся от усталости ноги и не зарябит в глазах от ярких красок дня.

Однажды, это было в полдень, вот так же стоял он возле оконца и смотрел из своей темницы на белый свет. И вдруг увидел Ярославну. В пёстром весеннем наряде, в жёлтых сапожках, в белой меховой шапочке, быстро сбежала она с дощатого крыльца и остановилась как раз посреди видимой из подземелья полоски двора, кого-то поджидая.

Поддаваясь какому-то непонятному порыву, возникшему совсем неожиданно, Ждан припал к оконцу и изо всех сил позвал:

– Княгиня! Княгиня Ярославна!

Ярославна вздрогнула. Голос, звучащий откуда-то из-под земли, испугал её.

Ждан ещё раз, но потише прокричал:

– Я тут, княгиня, в подземелье! В порубе!

Княгиня со страхом приблизилась к окошку.

Наклонилась, спросила:

– Ты кто?

– Я княжий конюший, Ждан. Спаси меня, княгиня! Я ни в чём не повинен пред князем. Заступись, умоляю, за меня! Выпусти отсюда! Или хотя бы выслушай меня!

Ярославна ничего не ответила и на некоторое время исчезла из виду. Но вскоре заскрежетал засов, скрипнули железные петли и дверь открылась. В сопровождении гридня княгиня вошла в поруб. Несколько минут привыкала к темноте, особенно непроглядной после яркого света солнечного дня, потом спросила:

– Кто меня звал?

– Я, княгиня, – выступил вперёд Ждан, дрожа от холода и волнения.

– А там кто ещё? – Ярославна указала в тёмный угол, где поблёскивала пара глаз.

– То смерд Будило... За старых богов страдает тут... За требы им...

– Ужасно, – прошептала княгиня и повернулась к гридню: – Позови князя! Пусть придёт сюда!

Когда гридень вышел, велела:

– Рассказывай, за что тебя посадили сюда. Только чистую правду!

– Княгиня! – взмолился Ждан. – Зачем мне лжа? Вся надежда – это правда... Верю, она тронет твоё сердце и ты заступишься за меня перед князем.

И стал рассказывать. Не заметил ни он, ни Ярославна, как в поруб тихо вошёл князь Игорь и остановился в дверях. Будило хотел было бухнуться на колени, но князь приложил палец к губам – молчи!

Ждан волновался, рассказывал нескладно, отрывисто – и про половецкую неволю, и про встречу с Кончаком, и про Самуила, Любаву, и про Славуту и великого князя Киевского, и про князя Игоря, которому служил верой и правдой... и служил бы всегда истово, будь только желание князя... Но больше всего он вспоминал Любаву и тот день, когда вырвал её из когтей смерти и повёз в Киев, – только там он мог надеяться спасти её...

Ярославну поразил этот рассказ, на глазах у неё выступили слёзы. Она тихо спросила:

– Ты так сильно любишь эту девушку?

– Люблю, княгиня... Разве в этом моя вина?

– Нет, я ни в чём не виню тебя, так как понимаю, что такое любовь... Мне кажется, что я поступила бы так же, доведись мне спасти моего ладо, как ты Любаву. Уверена, что и он спасал бы меня, несмотря ни на что... Я попрошу князя, чтобы он выпустил тебя из этого ужасного подземелья...

– И меня спаси, княгиня, – протянул к Ярославне руки Будило. – Я никому не причинил зла: не убил, не украл, не посягал на честь... Всего-то и вины моей, что по душе мне живые боги – солнце, ветер, воды, леса, зелёные поля, а не мёртвые, нарисованные людской рукой на стене или на липовой доске... Заступись, княгиня, перед князем, и я, всеми богами клянусь, стану служить тебе и твоему князю всю жизнь, до последнего дня, останусь верным душой и телом.

Он пытался дотянуться до княгини, чтобы поцеловать её руку или одежду, но не смог: не пускала тяжёлая заржавленная цепь, глухо скрежеща и громыхая при каждом его движении.

– Кто же тебя посадил сюда? – спросила Ярославна. – Знает ли про тебя князь Игорь?

– Схватили меня по приказу епископа черноризцы, кинули в поруб и посадили на цепь с ведома тысяцкого, а князь Игорь, думаю, и не ведает про это...

– И за тебя, человеке, замолвлю слово...

– Не нужно, княгиня, – выступил вдруг на середину поруба князь Игорь. – Я всё слышал...

– Тем лучше, ладонько... Так ты, значит, выпустишь этих людей? Чтобы не болело моё сердце от мысли, что в нескольких шагах от меня, под помостом моей хоромины тяжко мучаются эти безвинные, – сказала Ярославна, не проявляя удивления оттого, что князь, как оказалось, слышал их разговор. – Во имя богов наших, нынешних и прежних...

– Этого старого, Будилу, я отпущу сразу, – ответил князь, окинув взглядом костлявую взлохмаченную фигуру смерда. – Я ничего о нём не знал и отругаю Рагуила за самоуправство. А Ждана посадил я, и посадил не за то, что он спас любимую от смерти, а за длинный язык, за то, что оставил войско, не предупредив об этом князя, за то, что оговорил меня перед Святославом...

Ждану хотелось крикнуть, что не оговаривал он, что рассказал Святославу только то, что сам видел собственными глазами, но, перехватив предостерегающий взгляд княгини, сжал зубы и не промолвил ни слова.

Ярославна прильнула к Игорю и тихо, доверчиво, словно делилась какой-то тайной, зашептала:

– Княже, я не вижу в поступках твоего конюшего измены или какого-то злого умысла против тебя. Должен же он как-то объяснить Святославу, когда и кем была ранена Любава. Да и правда – тайну не утаишь! Про Глебов слух и так быстро разнёсся по всем княжествам, как Игорь покарал Владимира. И покарал справедливо – за то, что тот первым напал на твои земли. И если Святослав будет справедливым, то должен обвинять прежде всего Владимира... Так при чём же тут твой конюший? В чём его вина? Что поехал, не предупредив тебя? Что

рассказал Святославу про Глебов? Но подумай: если бы я была поранена, разве ты не умчался бы со мной, никого не спросив, туда, где меня могли бы спасти? Или выдумывал бы место и обстоятельства моего ранения? Должно быть, нет. Ты, ладонько мой, поступил бы точно так, как и твой конюший... Так отпусти его. Ради справедливости. Ради сироты Любавы и её любви к этому юноше! Прошу тебя, ладонько мой!

Она смотрела на князя снизу вверх, и в её ясных глазах, освещённых скупым лучиком света, пробивающегося в мрачное подземелье сквозь узкое оконце, блестели слёзы.

В твёрдом, суровом лице Игоря что-то дрогнуло, оно смягчилось, просветлело, словно стало красивее и добрее...

– Разве можно тебе отказать, Ярославна? У тебя доброе сердце, способное не только распахнуть уютную дверь этого поруба, но и пробить каменные стены, растопить лёд очерствелых в боях и походах княжеских сердец... Я отпускаю их обоих! Пускай идут!.. И успокойся, отныне этот поруб будет пустовать, чтобы не тревожил тебя мыслью о том, что поблизости от твоей хоромины страдают люди... Для злодеев я найду другое место! – И он крикнул гридням: – Расковать этих людей! Отныне они свободны и могут идти куда захотят! А этому отроку отдайте его коня и оружие...

Сердце Ждана застучало, забухало, едва не вырываясь из груди. Он свободен! Сегодня же, не мешкая ни минуты, он отправится в Киев, где ждёт его Любава! Какое счастье! Какая радость! Дышать воздухом свободы, смотреть на золотой круг солнца, на зелёные всходы полей, на голубое небо, на светлые воды рек и озёр, сесть на коня и мчаться с ветром наперегонки куда захочешь – разве это не самое большое счастье?! Его не оценит только тот, кто не сидел на цепи в сырой тёмной яме, кто не изнывал от мысли, что навек похоронен в ней, кто утратил последнюю надежду...

От радости ему хотелось целовать княгине руки, он готов был простить князю его несправедливость, но из пересохшего горла вырывались лишь два слова:

– Спасибо, княгиня! Спасибо, княже! Спасибо, княгиня! Спасибо, княже!..

Зато Будило высказал свои чувства более пылко. Он дотянулся до руки Игоря и, погладив заскорузлыми пальцами парчовый рукав князя, произнёс:

– Княже, сокол наш придеснянский! Чтобы твоей княгине, нашей спасительнице, печаль никогда не касалась ясного лица, чтоб глаза её не застилались горькими слезами, я в опасную минуту своею грудью заслоню её и тебя! Я призыву всех моих богов на помощь, всех моих пращуров и прапращуров, чтоб выручили тебя из беды великой в час смертный, лютый! Только покличь, княже, солнце ты наше ясное! Ты только кликни!

Он вдруг расправил плечи, выпрямился, едва не касаясь головой потолка, высокий, сильный, лохматый, счастливыми глазами взглянул на Ярославну, с нескрываемым удивлением слушающую его проникновенные слова, сильно рванул цепь, да так, что она задрезжала, зазвенела, и радостно прикрикнул на гридней:

– Да поскорей сбивайте, молодцы, с меня эти железяки, чтоб они пропали, очень уж не терпится мне выйти из этой ямы да поклониться и Яриле, и Стрибогу, и полям, и лесам, и всему свету широкому!.. Поживей сбивайте, чтоб я не умер от радости в этой яме!..

И он ещё сильнее рванул цепь, и грохот от неё гулким эхом отразился от влажного потолка затхлого подземелья, покатился по широкому подворью...

Глава шестая

1

В Киев Ждан прибыл очень вовремя: на следующее утро Самуил отправлялся в Половецкую землю.

– Ждан, тебя сам Бог посылает мне! – воскликнул купец, обнимая его. – Где ты пропадал? Нам же в дорогу пора! Да и Любава беспокоится за тебя... Пошли скорее к ней. Совсем измучилась бедняжка. Как только ты уехал, ослабла, да так, что едва выходили её сообща, а теперь сохнет по тебе... И чем ты её приворожил? Казалось бы, обыкновенный из себя парень...

Услыхав о тяжёлой болезни Любавы, Ждан заторопился:

– Идём поскорей, дядька Самуил!

Боярин Славута обрадовался юноше как родному. Эти два молодых человека – Ждан и его суженая – в последнее время постепенно, но крепко вошли в его сердце и заняли в нём весьма заметное место.

Он открыл дверь в комнату Любавы, пропустил Ждана вперёд.

Любава сидела возле окна и вышивала. Но как она изменилась! Исхудала, побледнела, под глазами – тёмные тени, плечи заострились, а тонкие кисти рук на ярком весеннем солнце просто просвечивались.

– Любава! – тихонько окликнул её Ждан с порога.

– Жданко! – Девушка вскочила со стульчика и покачнулась. Ноги ещё плохо слушались её.

Ждан поддержал, посадил на кровать, сам сел рядом и тёплой рукой погладил девичьи косы.

Смотрел на неё с любовью и жалостью, чувствуя, что видит перед собою самое дорогое на свете существо, без которого этот свет был бы не мил ему.

Славута и Самуил переглянулись и прикрыли дверь, давая возможность молодым побыть наедине.

– Я думала, ты меня забыл, – сказала с лёгким укором в голосе девушка. – А мне было так тяжело, что и не знала, живу ли ещё или умираю. Уже и попа собрались звать, чтоб соборовал...

– Бедненькая моя! Я рвался к тебе, но никак не мог приехать. – Ждан не хотел рассказывать о своих мытарствах, чтобы не волновать Любаву. – Душа моя словно чувствовала, что тебе тяжело. И снова стану думать, так как завтра уезжаю с Самуилом в Половецкую землю...

– Опять уезжаешь?... – Голос Любавы дрогнул, тёмные глаза увлажнились.

– Но через месяц или два я возвращусь и уже навсегда буду с тобой. Мы поженимся и поедем ко мне на Сейм, в Вербовку. Построим там хатку и уже никогда не разлучимся.

Любава приникла к нему, склонила головку на грудь юноше. Но глаза оставались грустными.

– Не скоро мы поженимся, Жданко, – сказала печально.

– Почему?

– Разве можно? Ещё и двух месяцев не прошло, как убили дедусю... Должен год пройти – тогда разве... А раньше – никак...

– Я подожду сколько нужно... Но всё равно мы будем вместе... Вот только съезжу с Самуилом...

Они ещё долго шептались, мечтая о своём будущем, о совместной жизни. И казалась она им, как и всем молодым кажется, и нескончаемо долгой, и таинственной, и привлекательной. Ну и, конечно же, хотелось, чтобы она побыстрее стала счастливой... Их уже не волновали

пережитые опасности, болезни, приключения, поскольку все их помыслы были в будущем, в том далёком грядущем времени, которое привлекает неизведанностью и самыми радужными надеждами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.